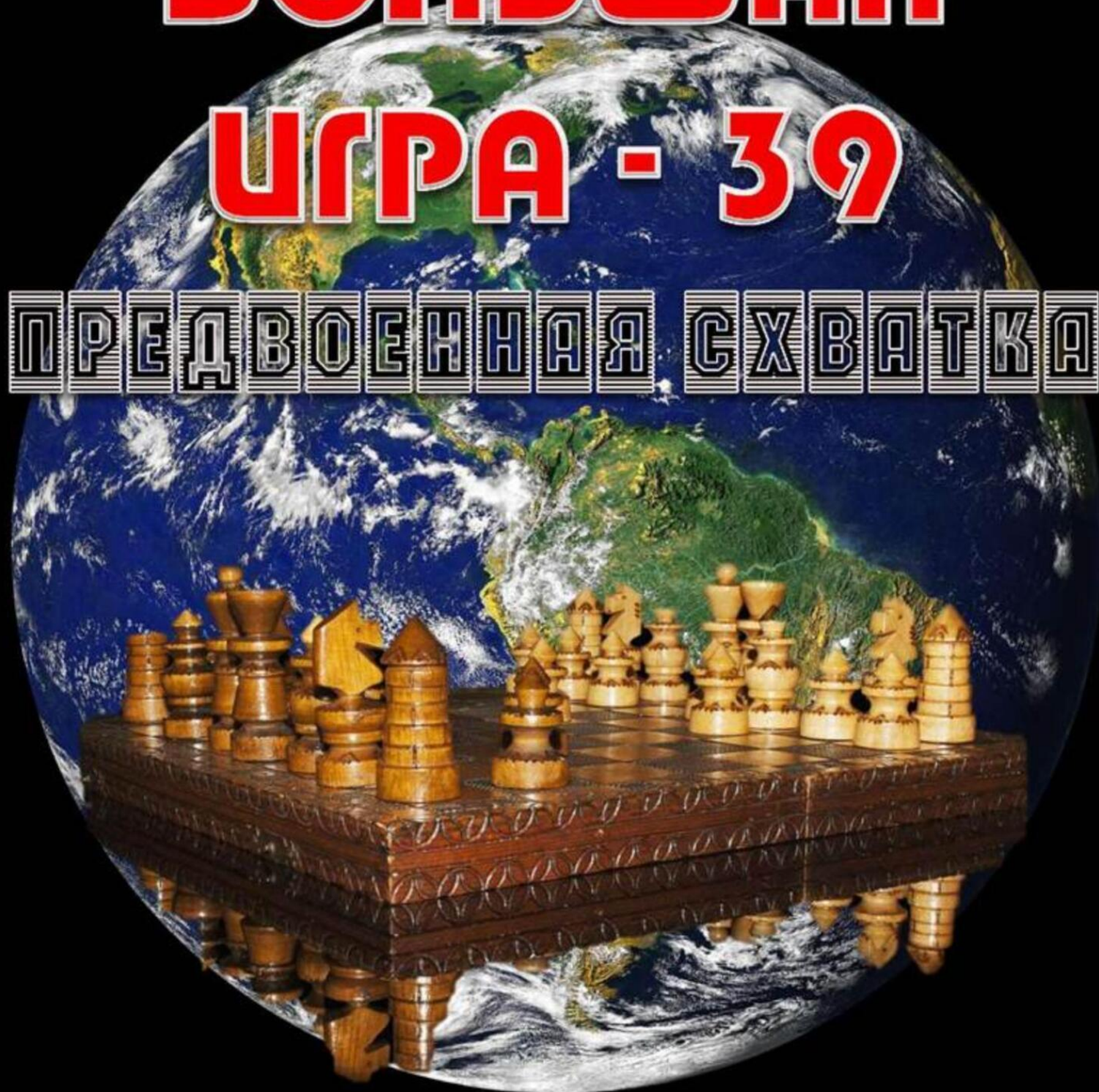

А.МИРТОВ

БОЛЬШАЯ

ИГРА - 39

ПРЕДВОЕННАЯ СХВАТКА

А. Миртов

**Большая игра – 39.
Предвоенная схватка**

«Автор»

2024

Миртов А.

Большая игра – 39. Предвоенная схватка / А. Миртов —
«Автор», 2024

Эта книга посвящена предвоенной партии Большой геополитической игры — событиям предвоенного 1939 года, предшествовавшим подписанию советско-германского Договора о ненападении. Все действия стран рассматриваются как ходы в Большой игре, похожей на игру в шахматы, только шахматной доской является весь мир. Это единственная книга на эту тему, написанная в жанре документальной прозы. В ней в художественной форме на основе документов и мемуаров описаны встречи, беседы, размышления, воспоминания, поступки исторических личностей, в частности, И. Сталина, А. Гитлера, Молотова, И. Риббентропа, Н. Чемберлена, Э. Галифакса, И. Бека, К. Ворошилова и других. Книга поможет читателю разобраться в сложных перипетиях развернувшейся борьбы мировых держав в тот предвоенный период, а все сомнения, возможно, возникшие под влиянием западных фальсификаций, будут развеяны.

© Миртов А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Большая игра – 39. Предвоенная схватка	5
Глава 1. «Дебют» партии	7
Жребий брошен	7
Реакция на оккупацию	11
Волна возмущения	13
Ещё один повод	14
Глава 2. Конфликт позиций	15
Глава 3. Переговорные перипетии	17
Эпизод первый	17
Эпизод второй	19
Невнятные разъяснения	20
Глава 4. Лондон делает свой ход	22
Гарантии Румынии и Греции	24
Глава 5. Имперские амбиции Польши	27
Глава 6. Ответный ход Москвы	30
Осмысление	30
Москва «делает свой ход»	32
Глава 7. Переход хода	34
Париж	34
Лондон	35
Глава 8. Шанс спасти мир	36
Москва предлагает	36
Оппозиция поддерживает	37
Глава 9. Обманный ход	39
Глава 10. Кто есть кто	42
Глава 11. Контрпроект и реакция Лондона	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

А. Миртов

Большая игра – 39. Предвоенная схватка

Большая игра – 39. Предвоенная схватка

Предисловие

Большая игра в классическом понимании – это геополитическое соперничество между Британской и Российской империями в 19 – начале 20 веков за господство в Южной и Центральной Азии.

Большая игра в более широкой, современной трактовке – это геополитическая борьба мировых держав за сферы интересов и обеспечение собственной безопасности. Россия (в 20 веке СССР) всегда была и всегда будет одним из главных её игроков.

Этой игре нет конца. Как только одна партия заканчивается победой одной стороны и поражением другой, (а порою и ничьей), как в тот же миг начинается следующая. И снова игроки выстраивают защиту, задумывают комбинации, жертвуют пешками – целыми странами, чтобы победить.

В той большой предвоенной партии 1939 года три центра силы определяли ход мировой истории. Первым центром был давний тандем Великобритании и Франции, в котором доминирующую роль играл Лондон. Вторым центром силы стал альянс Германии, Италии и Японии на основе антикоминтерновского пакта с бесспорной гегемонией Берлина.

Третьим центром силы являлся Советский Союз с его обширной территорией и неисчерпаемыми природными ресурсами, высокими темпами экономического роста и растущей военной мощью.

Именно между этими странами разыгрывалась геополитическая «шахматная» партия 1939 года, в которой каждый ход влиял на общую расстановку сил, задуманные комбинации приводили к получению тактических преимуществ, а стратегия игры влияла на исход сражения.

Вашингтон оставался формально наблюдателем в той предвоенной игре, приняв Закон о нейтралитете, запрещающий поставлять оружие и военные материалы воюющим странам, но, преследуя свои корыстные интересы, он распространял действие закона по своему усмотрению (на республиканское правительство Испании оно распространялось, а на воюющую в Китае Японию – нет). Остальным государствам Европы и Азии приходилось выбирать, с кем им по пути.

Большая игра продолжается и сейчас. И все важнейшие события на мировой арене являются её следствием. Противостояние Коллективного Запада и России является продолжением этой геополитической игры, в которой Россия защищает свои национальные интересы и государственную безопасность, а Запад продолжает упорно навязывать всему миру свою опустошительную гегемонию.

Партия 1939 года может быть наглядным примером того, как можно выиграть, находясь во враждебно настроенном окружении. Выиграть, заключив договор о ненападении с Германией (после безуспешных попыток договориться с Лондоном и Парижем о совместном противодействии любой агрессии), и сорвав тем самым планы Великобритании направить экспансию на Восток.

Советско-германский договор о ненападении (на Западе его именуют Пактом Молотова-Риббентропа) называют крупнейшим провалом английской политической стратегии за весь XX век. Именно поэтому он вызывает злобное негодование правителей Туманного Аль-

биона и неуёмное желание очернить это событие у западных политологов. Отсюда и попытки фальсифицировать историю и возложить вину за развязывание Второй мировой войны на СССР.

Исторический опыт поучителен. И параллели между событиями прошлого и настоящего порою стоит проводить, чтобы не повторять ошибок и делать выводы, которые помогут выигрывать в будущих битвах Большой игры. Это как в шахматах: известные партии гроссмейстеров заносятся в учебники.

Победа в партии 1939 года поменяла запланированное западными державами расписание будущей войны, согласно которому они намеревались столкнуть Германию с Советским Союзом, а самим остаться в стороне; отсрочила агрессию, что позволило выиграть время для укрепления обороноспособности страны; дала возможность отодвинуть западные границы, что было стратегически важно в преддверии нападения Германии; предотвратила войну на два фронта, рассорив Берлин и Токио. И, в конечном счёте, помогла победить в Великой Отечественной войне. Этой предвоенной партии Большой игры и посвящается эта книга.

Глава 1. «Дебют» партии

Жребий брошен

Первый ход в этой партии сделала Германия. 15 марта 1939 года она, вопреки подписанным договорённостям, оккупировала Чехословакию. Это событие фактически дискредитировало политику умиротворения, проводимую двумя ведущими западными державами – Англией и Францией, и предопределило дальнейший ход истории. Мюнхенское соглашение, по которому в обмен на территории Праге были даны гарантии сохранения государственности, было растоптано и выброшено в урну.

Чтобы придать этой акции формальную легитимность, Гитлер вынудил прибывших на переговоры в Берлин в ночь на 15 марта чехословацкого президента Эмиля Хаха и министра иностранных дел Франтишека Хвалковского подписать соглашение, по которому президент Хаха передает судьбу чешского народа и страны в руки фюрера.

Беседа состоялась в рейхсканцелярии в огромном кабинете Гитлера со стенами из красного мрамора, на которых красовались геральдические знаки, с высокими окнами и потолком из резного палисандра, в присутствии Риббентропа, Вайцзекера, Геринга и генерала Кейтеля. С позолоченных панелей, установленных над четырьмя дверями кабинета, на гостей взирали четыре добродетели: Мудрость, Знание, Мужество, Справедливость.

Сам фюрер Великогерманского Рейха восседал за большим рабочим столом с массивной мраморной столешницей, на которой была сделана инкрустация, изображавшая наполовину вытасканный из ножен меч. Гитлеру нравилась эта инкрустация, впервые увидев её во время своего первого ознакомительного визита в новое здание рейхсканцелярии, поражавшей своими размерами, он сказал сопровождавшей его свите: «Прекрасно задумано, когда дипломаты, занявшие места прямо против меня, увидят это, они научатся бояться».

Президент Хаха к тому времени уже получил из Праги сообщение о том, что немецкие войска оккупировали город Моравска-Остраву и встали на границе Богемии и Моравии, готовые к нападению, поэтому был подавлен и немногословен и сразу обозначил свою готовность к уступкам, заявив:

– Я никогда не занимался политикой и редко встречался с основателями Чехословацкой республики Масариком и Бенешем, они никогда не нравились мне. Их режим был для меня настолько враждебен, что после смены власти (после Мюнхена) я сразу задался вопросом: следует ли вообще Чехословакии оставаться независимой.

Я убеждён, что судьба Чехословакии всецело в ваших руках и в таком случае за неё можно быть спокойным. Но Чехословакия имеет право на существование как нация. Сейчас Чехословакия подвергается постоянным нападкам из-за того, что в стране осталось довольно много сторонников Бенеша (экс-президент, сторонник независимой Чехословакии). Правительство всеми средствами старается заставить их молчать. Вот и всё, что я хотел сказать.

Ответ Гитлера не заставил себя долго ждать, тон его был решительный и непререкаемый:

– Ваш приезд, несмотря на преклонный возраст, может принести вашей стране большую пользу, так как всего несколько часов отделяет Чехословакию от вторжения немецких войск. Я не испытываю вражды ни к одной нации. То, что осталось от Чехословакии, ещё существует как государство только благодаря моему лояльному отношению. Осенью я не хотел делать окончательных выводов, потому что полагал, что существование всё-таки возможно. Однако теперь у меня не осталось сомнений в том, что если дух Бенеша не будет уничтожен в стране окончательно, то придётся уничтожить страну.

Итак, в прошлое воскресенье, 12 марта, жребий был брошен. Я отдал приказ германским войскам о вторжении в Чехословакию и присоединении её к германскому рейху.

В шесть утра немецкой армии предписано двинуться со всех сторон на территорию Чехии, а немецкой авиации занять чешские аэродромы. При этом, возможны два варианта. Если вступление немецких войск встретит сопротивление, то это сопротивление будет подавлено путём применения грубой силы. Если же вступление немецких войск пройдёт мирно, то мне будет легче предоставить Чехословакии автономию и определённую национальную свободу, а чехам – привычный образ жизни.

Я делаю всё это не из чувства ненависти, а в целях защиты Германии. Если дело дойдёт до военных действий, то через два дня чешская армия перестанет существовать. Конечно, будут убитые и среди немцев, но это породит ненависть и вынудит меня в целях самосохранения не предоставлять чехам автономии. Остальному миру до этого нет никакого дела.

Я сочувствую чехам, когда читаю газеты. У меня сложилось мнение, которое можно выразить так: мавр сделал своё дело, мавр может уходить. Поэтому я и просил Вас приехать. Это последняя добрая услуга, которую я могу оказать чешскому народу. Возможно, ваш визит предотвратит самое худшее...

Гаха был в полном смятении, перечить он уже не смел, а только смог с трудом выдать из себя вопрос:

– Но что сейчас, в два часа ночи, когда до вторжения осталось всего четыре часа, я могу предпринять, чтобы чешский народ не оказал сопротивление?

– Об этом Вам лучше всего посоветоваться со своими соратниками. Германская военная машина уже запущена и остановить её невозможно, – продолжил оказывать давление на Гаху Гитлер, пытаясь добиться безоговорочной «капитуляции» чехословацкого президента. – Вам необходимо немедленно связаться с Прагой. Это ответственное решение, но зато на горизонте мне видится долгий период мира между двумя нациями. Если же будет принято другое решение, то уничтожение Чехословакии неминуемо.

После этой тирады Гитлер дал время на обдумывание, посоветовав Гахе и Хвалковскому удалиться и обсудить, что же им делать. В соседней комнате Геринг и Риббентроп усилили давление на них, угрожая, что если они не подпишут документ, через два часа половина Праги будет превращена бомбардировщиками в руины. «Скажу Вам по секрету, сотни бомбардировщиков ожидают приказа на взлёт. Они его получают в шесть утра, если на документе не будет ваших подписей», – устрасал Риббентроп. «Мне нравится ваша столица и будет жаль, если придётся бомбить этот прекрасный город», – с показным выражением сожаления на лице говорил Геринг, пытаясь продемонстрировать свою решимость.

Упоминание о бомбардировочной авиации было главным доводом. Стёртый с лица земли немецкой авиацией испанский город Герника был предупреждением непокорным.

Гаха и Хвалковский пытались возражать, заявляя, что не могут подписать документ о капитуляции, что в противном случае народ проклянёт их, но Геринг и Риббентроп были неумолимы, продолжая сыпать угрозами.

Президент Гаха, человек преклонных лет, измотанный напряжением последних дней, упал в обморок. Личный доктор Гитлера Теодор Морелль привел его в чувство уколom. Пришедшему в себя Гахе вложили в руку телефонную трубку и связали с Прагой, вынудив рассказать чешскому правительству о том, что произошло и дать совет подчиниться требованиям Берлина, после чего он подписал подготовленный заранее документ. Также Гаха и Хвалковский обязались разоружить чехословацкую армию и передать оружие и военное снаряжение гитлеровцам.

Англия и Франция знали о планах Гитлера, но не предприняли никаких шагов в защиту Чехословакии и даже внесли свою лепту в сдачу своего союзника. Накануне вторжения, 13 марта 1939 года, английский и французский послы в Германии рекомендовали Праге воздер-

живаться от каких-либо действий против немцев и установить непосредственный контакт с Берлином. Это означало, что эти державы не намерены вступаться за Чехословакию в случае агрессии, несмотря на гарантии неприкосновенности границ, данных этими странами в Мюнхене.

В этот же день министерство иностранных дел Великобритании прямо заявило, что у него нет оснований вмешиваться в развитие событий в Чехословакии, и выступило против каких-либо попыток остановить Гитлера путем обращения к участникам Мюнхенского соглашения.

А в день вторжения министр иностранных дел Великобритании лорд Эдвард Вуд Галифакс в конфиденциальной беседе с французским послом без всякого стеснения заявил, что для западных держав захват Германией Чехословакии даже создает определенные выгоды, ибо будет покончено с их обязательствами предоставлять Чехословакии гарантии, которые стали для западных стран «несколько тягостными».

Чтобы предотвратить любое противодействие в самой Чехословакии, в местной печати было опубликовано воззвание Гаха и Хвалковского к чешской армии и населению с призывом не оказывать сопротивления германским войскам.

И уже утром того дня армейские подразделения под командованием генералов Бласковица и Листа перешли чехословацкую границу и захватили Чехию и Моравию, которые вошли в состав Германии, как «протекторат Чехия и Моравия». В городах Праге, Брно, Пльзень и в других крупных населенных пунктах Чехии было объявлено военное положение, появление на улицах после 8 часов вечера было запрещено.

О последовавшей затем оккупации Словакии, которая за день до вторжения объявила о своей независимости, официально было заявлено, что словацкий премьер Тисо обратился к Гитлеру с телеграммой, в которой просил его взять Словакию под свою защиту. Гитлер ответил, что он принимает под защиту словацкое государство.

Сепаратистские планы отделения в Словакии, поддержанные Германией, возникли задолго до начала вторжения. А в конце февраля чехословацкое правительство получило сведения о том, что группа словацких фашистов во главе с их лидерами Александром Маха и Войтехом Тука готовит путч с целью присоединения Словакии к Германии. Путчисты намеревались добиться разрыва переговоров с центральным правительством и выделения Словакии из состава республики.

Упреждающим вводом регулярных войск и жандармерии путч удалось подавить. Но давление Берлина на Прагу и начавшаяся оккупация Чехии позволила словацким сепаратистам реализовать свои планы, в результате чего Словакия провозгласила независимость и отделилась от Чехии, формально став суверенным государством, но фактически превратилась в вассала Германии. Сразу же после этого события по всей Словакии прокатились еврейские и чешские погромы.

23 марта в Берлине был подписан словацко-германский договор «Об охране Словакии», который по существу означал конец её самостоятельности. На основании этого договора Германия получила право строить на территории Словакии свои военные базы, контролировать внешнюю и внутреннюю политику. В экономическом отношении страна быстро превратилась в аграрно-сырьевой придаток Германии.

В первый же день захвата Праги в бывшей столице Чехословацкой республики начали действовать германская полиция и гестапо. За несколько дней было арестовано около 7 000 человек. Рейхсфюрер СС Гимлер заявил, что надо произвести 10 000 арестов.

В основном, в тюрьмы попали антифашисты и сторонники экс-президента Бенеша. В их числе бывший начальник отдела печати министерства иностранных дел Гаек и председатель Общества друзей СССР доктор Врбенский. Параллельно гестапо выпустила на свободу всех арестованных за последние месяцы членов фашистских организаций.

С момента оккупации началась обычная для попавших под юрисдикцию Германии государств бюрократическая чистка. Из государственных учреждений, банков и администраций предприятий были изгнаны «евреи и марксисты». Адвокатская гильдия Праги вынесла решение о лишении всех евреев-адвокатов практики.

18 марта был опубликован текст декларации об управлении Чехией и Моравией, подписанный Гитлером. Согласно этой декларации, немцы, проживающие на территории «протектората Чехия и Моравия», становились германскими гражданами. Остальные жители оставались гражданами «протектората». На немцев распространялись фашистские законы «об охране германской расы». Для них же создавались специальные суды.

В тот же день Гитлер назначил бывшего германского министра иностранных дел и председателя тайного совета Нейрата германским протектором Чехии и Моравии с местонахождением в Праге. Он должен был утверждать «автономное правительство» и имел право налагать вето на любые решения этого правительства. При этом, протекторат лишился права представительства перед другими государствами. Внешнеполитические интересы «протектората» представлял Берлин.

Местное законодательство стало второстепенным. Германское правительство имело право издавать для «протектората» специальные законы и декреты, назначать специальные органы и комиссии, в том числе, и «для обеспечения общественной безопасности».

Реакция на оккупацию

В день оккупации Чехословакии, 15 марта, премьер-министру Великобритании Невиллу Чемберлену пришлось выступить по этому вопросу в палате общин. Он понимал, что эта акция Германии вызовет негативную реакцию мировой общественности, поэтому на словах он вынужден был осудить поведение Гитлера, но ничего не сказал о возможном противодействии и даже отказался обещать, что в Берлин будет направлен официальный протест по этому поводу. Наоборот, он заявил, что будет по-прежнему стремиться к возвращению атмосферы взаимопонимания и доброй воли между всеми державами и к разрешению международных споров путем переговоров.

При этом, Чемберлен подчеркнул, что, несмотря на последние события, он считает свою мюнхенскую политику правильной и уверен, что она пользуется сочувствием со стороны мирового общественного мнения. А затем в качестве оправдания своего бездействия откровенно добавил: «Эта декларация (независимости Словакии) покончила изнутри с тем государством, незыблемость границ которого мы гарантировали. Правительство его величества не может считать себя далее связанным этим обещанием»¹.

Позиция Чемберлена вызвала возмущение не только оппозиции, но даже некоторых членов консервативной партии. Большинство выступавших в парламенте говорили о том, что последние события создают серьезную угрозу для Европы и для всеобщего мира, и предлагали установить тесное сотрудничество с такими миролюбивыми странами, как Советский Союз и США.

В частности, лейборист Гринфил заявил, что захват Германией Чехословакии означает приближение мировой катастрофы и свидетельствует о провале политики «умиротворения», консерватор Иден сказал о необходимости осуществить консультацию со всеми миролюбивыми странам, а его однопартиец Боуэр предложил наладить отношения с Советским Союзом, без помощи которого обойтись сейчас невозможно, и даже выразил удивление, почему до сих пор представители английских военных кругов не начали обмен мнениями с советскими представителями.

Позорный «Мюнхенский сговор», подаривший Гитлеру Судетскую область Чехословакии и преподносившийся мировому сообществу, как важнейшее соглашение, которое обеспечит мир в Европе на ближайшие десятилетия, на самом деле продемонстрировал безудержное желание руководства Англии и Франции вести соглашательскую политику уступок, в русле которой можно пожертвовать чужими территориями ради, по их мнению, мира в Европе.

В действительности же этот шаг лишь убедил Гитлера в том, что в сложившихся на тот момент обстоятельствах отпора агрессии не будет, потому что правительства этих стран просто не готовы воевать за независимость малых государств и не способны организовать коллективное противодействие агрессивной устремленности Германии.

Именно это понимание и предопределило следующий после присоединения Судетской области шаг Гитлера – силовой захват и оккупацию Чехословакии. Благодаря этой акции Германия значительно усилила свою военную и экономическую мощь. Ведь в Чехословакии было захвачено значительное военное имущество, в частности, большое количество самолетов, мощная тяжелая артиллерия и военное снаряжение сорока дивизий.

Кроме этого она получила также весьма развитую военную промышленность. В стране, помимо известных заводов Шкода и военных заводов в Брно, имелось еще 25 оружейных и артиллерийских мастерских и 9 заводов, производящих танки и пулеметы. Также Германия

¹ http://samlib.ru/z/zhitorchuk_j_w/zhi5.shtml

захватила значительный золотой запас Чехословакии, железные и свинцовые копи, угольные рудники.

Возникшей ситуацией воспользовалась Венгрия, давно мечтавшая присоединить автономную область Чехословакии – Карпатскую Украину. Премьер-министр этой автономии Августин Волошин пытался предотвратить захват, объявив о создании независимого государства и попросив у Германии взять его под свой протекторат, но Берлин в поддержке отказал и предложил не оказывать сопротивление венгерской армии.

Тем не менее, вооружённый отпор был дан, но силы были неравны: венгерским регулярным войскам противостояли местные военизированные формирования. Через три дня упорных боёв венгерские войска взяли под контроль всю Карпатскую Украину и вышли на всём протяжении к границам с Польшей и Румынией.

Волна возмущения

Захват Гитлером Чехословакии вызвал волну возмущения во многих странах мира. В английской прессе появились статьи, в которых обозреватели писали, что жертвы, на которые пошли чехи в Мюнхене, не оправдали их надежд и ожиданий, чехословацкий народ был обманут; обещания, которые Англия и Франция дали чехам относительно гарантий новых границ Чехословакии, не были выполнены, и теперь Чехословакия становится вассальной провинцией фашистской Германии.

«Таймс» называла захват Чехословакии «жестоким и brutальным актом подавления»; «Дейли телеграф» характеризовал его как «чудовищное преступление»; «Дейли геральд» назвал агрессию Гитлера «постскриптумом к Мюнхену» и призывал страну к организации сопротивления фашистским диктаторам совместно с Францией, СССР и США.

Во Франции общественность была тоже взбудоражена и обеспокоена сообщениями о событиях в Чехословакии. В политических кругах проявились опасения, что захват Чехословакии – это всего лишь средство, которое обеспечит развернутое наступление держав «оси Рим – Берлин» на запад Европы.

Советский Союз решительно осудил агрессию. 18 марта Германскому послу в Москве была вручена ответная Нота народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинова на уведомление германского посла в Москве о занятии Чехии германскими войсками и об объявлении так называемого «протектората Богемия и Моравия». В ней было сказано буквально следующее: «При отсутствии какого бы то ни было волеизъявления чешского народа, оккупация Чехии германскими войсками и последующие действия германского правительства не могут не быть признаны произвольными, насильственными, агрессивными.

Вышеприведенные замечания относятся целиком и к изменению статута Словакии в духе подчинения последней Германской империи, не оправданному каким-либо волеизъявлением словацкого народа.

Ввиду изложенного, Советское правительство не может признать включение в состав Германской империи Чехии, а в той или иной форме также и Словакии, правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости, или принципу самоопределения народов».

Нота Советского правительства произвела настоящий фурор в Западных странах. Текст ноты опубликовали все крупные французские газеты и большинство английских газет. Даже такие открыто тенденциозные газеты, как «Дейли экспресс» и «Дейли мейл», напечатали большие выдержки из ноты, переданной московскими корреспондентами агентств «Бритиш юнайтед пресс» и «Рейтер».

Под давлением общественного мнения правительство Чемберлена было вынуждено реагировать на действия Германии. 19 марта в западной прессе было опубликовано официальное сообщение о демарше английского и французского послов, выразивших протест против оккупации Германией Чехии и Моравии. Германское правительство, говорилось в сообщении, отклонило вышеуказанный протест, а в ответ на демарш в тот же день вызвало своего посла в Лондоне Дирксена в Берлин для консультаций.

За день до этого, 18 марта, состоялось заседание правительства Англии, на котором обсуждалось предложение министра иностранных дел лорда Галифакса начать совещание с представителями Франции, США и СССР для выработки общей линии этих держав в случае продолжения Германией своей агрессивной политики.

Ещё один повод

Предложение лорда Галифакса возникло не на пустом месте. 17 марта полпред (полномочный представитель) СССР в Великобритании Иван Михайлович Майский был приглашен турецким послом Тевфиком Арасом к себе на чашку чая. Когда Майский пришёл в турецкое посольство, то застал там еще румынского и греческого посланников. Сразу же началось обсуждение текущих событий.

В начавшейся беседе посол Румынии Виорел Тилеа сообщил, что около недели назад, еще до захвата Чехословакии, германское правительство через Хельмута Вольтата (официально он занимал пост министра-директора отдела валютных поступлений в имперском министерстве экономики, на самом деле он подчинялся непосредственно Герману Герингу и выполнял в предвоенный период его личные поручения, в том числе, секретные миссии международного характера), находящегося в Румынии в связи с переговорами о предоставлении немцам концессии на разведку нефти, предъявило румынскому правительству ультиматум.

Вольтат заявил, что если Румыния прекратит развитие своей индустрии и через согласованный с немцами срок закроет часть ныне действующих промышленных предприятий, если, сверх того, Румыния согласится все 100 процентов своего экспорта направлять в Германию, то последняя готова гарантировать румынские границы.

Румынское правительство отвергло ультиматум Вольтата, однако через несколько дней он вновь предъявил тот же ультиматум, но в еще более жесткой форме, да и требования были значительно расширены.

В связи с этим румынское правительство направило своему послу в Великобритании Тилеа срочное указание немедленно информировать британское правительство о создавшемся положении и выяснить, на какую поддержку со стороны Англии оно может рассчитывать.

В тот же день Тилеа встретился с главой МИДа Великобритании лордом Галифаксом, его заместителем Александром Кадоганом и главным дипломатическим советником британского правительства Робертом Ванситтартом. Галифакс обещал доложить вопрос правительству и через 2—3 дня дать ответ. В сложившейся ситуации Великобритании было важно знать о позиции других держав в этом вопросе, и в первую очередь, Советского Союза.

Поэтому уже на следующий день, 18 марта утром английский посол в Москве Уильям Сиидс явился к наркому иностранных дел Максиму Максимовичу Литвинову и по поручению своего правительства задал ему вопрос: что предпримет СССР в случае нападения Гитлера на Румынию?

В этот же день вечером Литвинов по поручению Советского правительства ответил Сидсу, что наилучшим способом борьбы против нависшей над Румынией опасности был бы немедленный созыв конференции из представителей Англии, Франции, СССР, Турции, Польши и Румынии, добавив, что такую конференцию лучше всего провести в Бухаресте, однако Советское правительство готово согласиться на любой другой пункт, который будет признан удобным всеми участниками совещания.

Так начались тройственные переговоры 1939 г. между СССР, Англией и Францией, которые при положительном результате – подписании соответствующего договора и военной конвенции – могли помешать гитлеровской Германии реализовать свои агрессивные планы.

Глава 2. Конфликт позиций

19 марта утром советский посол в Великобритании И. М. Майский получил из Москвы телеграмму, извещавшую о визите английского посла Сидса в Народный комиссариат иностранных дел (НКВД), состоявшейся беседе с руководителем ведомства М.М.Литвиновым по поводу немецкого ультиматума Румынии и об ответном предложении Советского Союза провести конференцию с участием шести государств – Англии, Франции, СССР, Турции, Польши и Румынии.

Внимательно прочитав телеграмму, Майский встал из-за стола, степенно, обдумывая на ходу свои дальнейшие действия, подошел к окну, за которым в дымке серого тумана виднелись размытые очертания деревьев посольского сада.

«Итак, первый шаг сделан, если удастся провести эту конференцию, что будет демонстрацией единства позиций этих стран, то Гитлер трижды подумает, прежде чем предпринимать какие-то агрессивные действия против Румынии», – размышлял Майский, всматриваясь в расплывчатые силуэты деревьев.

И вдруг он вспомнил 1933 год, англо-советский конфликт из-за компании «Метро-Викерс», когда были арестованы 6 английских инженеров. Тогда британский посол сэр Эсмонд Овий посылал в Лондон весьма неточные отчеты о своих разговорах с главой НКВД СССР Литвиновым, редактируя текст с таким расчетом, чтобы изобразить свою роль в как можно более выгодном свете, а в разъяснения М.М.Литвинова внести негативный оттенок.

Тогда пришлось пойти на хитрость, Литвинов стал присылать ему свои записи бесед с британским послом заказным письмом простой почтой. Поскольку вся такая почта, конечно же, перлюстрировалась секретными службами Англии, записи бесед с Овием, сделанные М.М.Литвиновым, должны были этим путем доходить до руководства Форин офиса и давать более точную картину бесед между британским послом и советским наркомом.

Сейчас послом Великобритании в Москве был Уильям Сидс, подозревать его в подобных маневрах он пока повода не давал, но подстраховаться следовало. Поэтому Майский решил параллельно с английским послом сообщить Галифаксу о предложении советского руководства провести конференцию, да и в дальнейшем информировать о содержании начавшихся англо-советских консультаций

Взяв телефонную трубку, Майский набрал номер секретариата Форин офиса и попросил встречи с Министром иностранных дел Великобритании лордом Галифаксом. Приятный мужской, почти дикторский голос на том конце провода ответил, что сообщит министру, и если он найдет время для встречи, об этом немедленно сообщат. Буквально через полчаса Майскому перезвонили и этот же бархатный голос предельно дипломатичным тоном сообщил о времени визита.

Подъехал Майский к величественному трёхэтажному зданию Форин офиса, построенному в итальянском стиле в 19 веке и расположенному на улице Короля Чарльза, за 10 минут до назначенного времени. Курьер Форин офиса провел советского посла по помпезной лестнице на второй этаж и оставил в «приемной послов». Это была небольшая комната с высокими потолками и окнами, выходящими на площадь перед Адмиралтейством. На стенах висели портреты коронованных особ и известных государственных деятелей прошлых времен.

Буквально через 2-3 минуты секретарь пригласил Майского в кабинет министра. Лорд Галифакс сидел за старинным письменным столом спиной к традиционному английскому камину с пылающими в нём поленьями.

Высокий, худощавый, медлительный, с черной перчаткой на поврежденной левой руке, увидев советского посла, он сразу поднялся и, поприветствовав с располагающей улыбкой на лице, пригласил сесть на изящный стул с изогнутыми ножками, стоявший рядом с письменным

столом. В непринужденной беседе советский посол рассказал главе Форин офиса о предложении Советского Союза провести конференцию шести стран.

Галифакс поблагодарил за сообщение и тут же заявил, что британское правительство утром 19 марта уже обсуждало советское предложение о немедленном созыве конференции и пришло к выводу о нецелесообразности проведения такого мероприятия. Удивленный таким неожиданным ответом, Майский недоумённо спросил:

– Почему вы так считаете?

Выдержав небольшую паузу, чтобы обдумать, как бы дипломатичнее преподнести своё маловразумительный ответ, Лорд Галифакс ровным, невозмутимым голосом разъяснил:

– Во-первых, английское правительство не сможет сейчас найти достаточно ответственного человека для посылки на такую важную конференцию; во-вторых, рискованно созывать конференцию, не зная, чем она закончится.

Майскому эти аргументы показались крайне неубедительными и он высказал мнение, что если СССР, Англия и Франция будут единодушны, то конференция не может закончиться неудачно. Однако Галифакс упорно продолжил отстаивать озвученную им позицию своего правительства.

«Видимо, они не хотят выработки согласованной резолюции на конференции с участием СССР, предполагающей меры коллективной безопасности, – размышлял Майский, слушая надуманные доводы главы Форин офиса, – слишком разные позиции у предполагаемых стран-участниц, мы – за отпор, они – за сговор». Словно угадав мысли советского посла, в заключение своей тирады Галифакс многозначительно добавил:

– Тем не менее, вполне сознавая необходимость срочно действовать, британское и французское правительства сейчас обсуждают другую меру, которая может заменить советское предложение.

На вопрос Майского, какая именно мера имеется ввиду, он туманными формулировками дипломатично уклонился от более точного ответа.

Два дня спустя, 21 марта, все прояснилось. Англичане и французы выдвинули проект декларации, который предусматривал бы в случае нового акта агрессии со стороны Германии проведение консультаций для обсуждения тех мер, которые необходимо принять в этой связи. Декларацию должны были подписать четыре державы – Англия, Франция, СССР и Польша.

Фактически этот документ лишь обозначал общую позицию, но не предусматривал никаких конкретных действий, кроме консультаций, поэтому говорить о том, что этим шагом можно предотвратить возможную агрессию, не приходилось.

И тем не менее, уже на следующий день, 22 марта глава НКВД М. Литвинов сообщил английскому послу У.Сидсу, что, хотя правительство СССР находит данную меру недостаточно эффективной, тем не менее, он готов подписать предложенную декларацию, как только её подпишут Франция и Польша.

Майский, в свою очередь, передал ответ Советского Союза заместителю министра иностранных дел Великобритании Александру Кадогану в наиболее точной формулировке, чтобы предупредить неточности в переданной послом Сидсом информации.

Глава 3. Переговорные перипетии

Эпизод первый

События в те дни разворачивались невероятно быстро, сплетаясь в клубок противоречивых эпизодов. Каждая страна пыталась в сложившемся раскладе противостоящих сил найти своё место, которое сулило бы наибольшие выгоды. Мозаика позиций малых европейских государств менялась как картинка в калейдоскопе при каждом повороте трубы.

Подобный противоречивый эпизод был связан с Румынией, именно она, получив ультиматум от Германии, обратилась к Великобритании за поддержкой, а та начала зондировать позицию в этом вопросе других государств, в том числе СССР.

Советский союз предложил срочно провести международную конференцию в защиту Румынии, но Бухарест буквально через два дня после своего обращения к Англии вдруг попросил Лондон «приостановить акцию», а на следующий день румынский посол сообщил НКВД СССР, что его правительство опровергает слухи о германском ультиматуме и заявляет, что переговоры с германскими представителями не выходили за рамки обычных экономических переговоров.

Было ясно, что Румыния уступила давлению Германии и приняла условия, при выполнении которых Берлин гарантирует сохранение добрых взаимоотношений между двумя странами. А условия были такие: Румыния получала 250 млн рейхсмарок торговых кредитов, включая кредиты на военные поставки; все ограничения на поставки нефти и нефтепродуктов в Германию отменялись.

Румыния предоставляла Берлину эксклюзивное право иметь в румынских портах особые «зоны» для строительства германских складов, нефтехранилищ и других объектов; Германия получала право строить на территории Румынии железные и шоссейные дороги по своему усмотрению, а также могла закупать всю румынскую сельскохозяйственную продукцию, а вдобавок получала монополию на лесозаготовки.

Было ясно, что при выполнении этих требований экономика Румынии попадёт в полную зависимость от Германии. И, тем не менее, условия были приняты, базовое Германо-румынское экономическое соглашение было подписано 23 марта 1939 года, впоследствии оно дополнялось новыми договорами по отдельным направлениям.

Узнав об этом, советское руководство решает получить разъяснения румынской стороны, как получилось, что вначале Румыния просит защитить её от беспрецедентного давления Берлина, через день вдруг дезавуирует своё обращение, а 23 марта заключает договор с Германией. (К слову сказать, Лондон также не был полностью удовлетворен объяснением румынского правительства и требовал дополнительных разъяснений Бухареста).

Чтобы прояснить ситуацию, 26 марта первый замнаркома НКВД Владимир Потемкин вызывает для беседы румынского посла Николае Диану. Разъяснения были дежурными, со ссылками на то обстоятельство, что Германия является крупнейшим клиентом Румынии, приобретающим львиную долю ее экспорта, а с другой стороны, Румыния сама производит в Германии весьма значительные закупки, и при таких условиях вполне естественно, что обе стороны заинтересованы в расширении базы их экономического сотрудничества.

Из записи беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с посланником Румынии в СССР Н. Диану²

29 марта 1939 г.

Я вызвал Диану и заявил ему, что нас не удовлетворяют те скудные сведения, которые мы получили от него о германо-румынском соглашении. Он должен понимать, что мы не можем не интересоваться взаимоотношениями Румынии с агрессивной Германией. Мы не могли бы относиться равнодушно к получению агрессивной страной господства в Румынии или к возможности получения опорных пунктов вблизи нашей границы или в черноморских портах.

Литвинов

² <https://doc20vek.ru/node/300>

Эпизод второй

Параллельно этому противоречивому эпизоду также противоречиво развивался и другой эпизод, связанный с инициативой Лондона подписать четырёхстороннюю декларацию. Проект декларации Великобритании, СССР, Франции и Польши был вручен 21 марта послом Великобритании в СССР У. Сидсом народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову. Текст декларации гласил:

«Мы, нижеподписавшиеся, надлежащим образом на то уполномоченные, настоящим заявляем, что, поскольку мир и безопасность в Европе являются делом общих интересов и забот и поскольку европейский мир и безопасность могут быть задеты любыми действиями, составляющими угрозу политической независимости любого европейского государства, наши соответственные правительства настоящим обязуются немедленно совещаться о тех шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления таким действиям».

Буквально на следующий день, 22 марта в 20 часов народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов принял посла Великобритании Сидса и в короткой беседе с ним заявил: «Мы солидаризируемся с позицией британского правительства и принимаем формулировку его проекта декларации. Представители Советского правительства незамедлительно подпишут декларацию, как только Франция и Польша примут британское предложение и пообещают поставить свои подписи. Для придания акту особой торжественности и обязательности предлагаем подписать премьер-министрам и министрам иностранных дел всех четырех государств».

Также Литвинов высказал пожелание, чтобы было предложено присоединиться к декларации четырех государств не только Балканским странам, о которых говорил Галифакс, но также соседним с Советским Союзом Финляндии и Балтийским, а также Скандинавским государствам.

В самом конце беседы нарком предупредил Сидса, что на следующий день ответ Советского правительства будет передан в печать, добавив на прощание, что Декларация может быть подписана отдельно во всех четырех столицах и вручена там английским послам.

Буквально через день, 24 марта, министр иностранных дел Польши Юзеф Бек отклонил британский проект «Декларации четырех стран». Из-за позиции Польши Великобритания попала в неловкое положение, инициатива Лондона была провалена собственным союзником, поэтому Форин офис не спешил информировать Москву о решении поляков.

Лишь спустя пять дней, 29 марта советскому послу в Лондоне Майскому позвонил постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании Александр Кадоган и сообщил что, по данным британского отчета, четырёхсторонняя декларация не прошла, переговоры с Польшей и Румынией зашли в тупик из-за несогласия этих стран.

По его словам, поляки совершенно категорически, румыны в менее решительной форме заявили, что они не примкнут ни к какой комбинации (в форме ли декларации или какой-либо иной), если участником её будет также СССР. Кроме того, они дали ясно понять, что «консультация» их никак не устраивает, и что они могут войти в мирный блок только при условии твердых военных обязательств со стороны Англии и Франции.

Невнятные разъяснения

2 апреля 1939 года нарком Литвинов пригласил польского посла Вацлава Гжибовского для беседы, надеясь немного прояснить позицию Польши по вопросу Декларации четырёх стран. Разговор, состоявшийся между ними и похожий на диалог из талантливо написанной пьесы на тему международных отношений, проясняет позицию польского правительства.

Гжибовский. Бек (министр иностранных дел Польши) поручил мне сказать Вам, что в разговорах с западными державами Польша всегда заявляет, что она удовлетворена положительным развитием отношений с СССР. Однако Польша сохраняет отрицательное отношение к многосторонним комбинациям, направленным против Германии. Это должно быть понятно советской стороне, ибо она знает, что Польша отказывается также вступать в комбинации, направленные против СССР, как, например, антикоминтерновский пакт. Мне совершенно ясно, что Польша не могла давать англичанам ту формулировку, которая Вам сообщена сэром Кадоганом. Несомненно, Польша говорила с Англией в том духе, в каком составлено сегодняшнее сообщение, поэтому ответа на вчерашний запрос Вам ожидать не нужно.

Литвинов. Я не согласен с вами, мы не можем руководствоваться умозаключениями, предположениями и гаданиями, а должны исходить из точных фактов. Англичане изложили нам ответ Польши, который абсолютно не совпадает с сообщением, которое Вы мне сделали сегодня. В самом деле, Вы говорите о нежелании Польши участвовать вообще в многосторонних комбинациях, направленных против Германии, независимо от состава участников таких комбинаций. Если так, то английское изложение польского ответа совершенно перевернуто, ибо там говорится о нежелании Польши участвовать в комбинациях с СССР, и не говорится о комбинациях, направленных против Германии.

Гжибовский (покраснев и прочитав опять инструкцию Бека). Да, здесь тоже говорится о комбинациях «совместно с Советским Союзом».

Литвинов. Всё же еще имеется расхождение в формулировках. Одно дело – не участвовать в комбинациях с СССР против Германии, другое дело – вообще во всяких комбинациях с СССР, как это изложено англичанами. Совершенно очевидно, что дело требует разъяснения.

Гжибовский. Это, видимо, английская интрига!

Литвинов. Тем более необходимо эту интригу разоблачить. Если мне будет заявлено официально, что англичане неверно передали польский ответ на декларацию, то мы от них потребуем объяснений.

Гжибовский. Я не сомневаюсь, что англичанам дали такой же ответ, какой я вам сегодня сообщил, поэтому незачем вновь запрашивать Лондон.

Литвинов. Я, однако, настаиваю на том, что не могу принимать в качестве ответа высказываемые Вами предположения. Польское правительство может отказаться ответить на наш запрос, и мы сделаем свои выводы, но я настаиваю на официальном ответе. Конечно, если бы нам Польша предлагала какую-нибудь комбинацию против Германии, против ее интересов, против германского народа, то мы тоже отклонили бы. Речь, однако, идет не об этом, а о комбинации для борьбы с агрессией Германии, и это совсем другое дело. Вчера Вы объясняли мне нежелание участвовать в комбинациях опасением напряжения в отношениях с Германией и ее гневом, сегодня же выходит, что Польша все же готова участвовать далее в комбинациях, направленных против Германии, не опасаясь ее гнева, если только не будет СССР. Этот момент тоже требует объяснений. Ответьте мне прямо, дала ли Польша согласие на подписание английской декларации без СССР и продолжается ли еще германский нажим на Польшу?

Гжибовский. Насколько я знаю, Польша вообще отвергает декларацию, а переговоры с Германией прерваны. Конечно, в случае получения ответа на ваш вчерашний запрос я не

незамедлительно сообщу вам. Однако, я думаю, что ввиду завтрашнего отъезда Бека в Лондон ответ может задержаться.

После того, как Гжибовский ушёл, Литвинов записал в официальном сообщении о беседе свои выводы; «Из вчерашней, так и особенно из сегодняшней беседы мне совершенно ясно, что Гжибовский не хочет дать нам официальный ответ на запрос, зная, что поляки говорили с англичанами именно в том духе, как нам сообщил Майский. Он при этом сегодня сжульничал, опустив из сообщения Бека неприятную для нас фразу»³

Таким образом, две инициативы, которые должны были продемонстрировать единство позиций в вопросе предотвращения любой агрессии – международная конференция и декларация – не прошли по вине Польши и Румынии, которые не захотели участвовать в любых комбинациях вместе с Советским Союзом, надеясь всё-таки договориться с Германией.

³ https://runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6790&CENTER_ELEMENT_ID=147424&PORTAL_ID=7163

Глава 4. Лондон делает свой ход

Гарантии Польше

После провала затеи с декларацией четырёх стран Великобритании взяла короткий тайм-аут на обдумывание своих следующих шагов. 31 марта премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен неожиданно пригласил советского посла Майского к себе в резиденцию к 12 часам дня.

Как обычно, Майский подъехал к черному трехэтажному зданию на Даунинг-стрит немного раньше назначенного времени. Войдя через черную дубовую дверь с белого цвета цифрой «10», он поднялся в сопровождении секретаря по главной лестнице, вдоль которой висели портреты всех премьер-министров Соединённого Королевства от Уолпола до Болдуина, на третий этаж и, пройдя по длинному коридору, оказался в кабинете премьер-министра.

После обычных для такой встречи взаимных приветствий Чемберлен пригласил советского посла сесть на старинный, с причудливо изогнутыми ножками, стул, стоявший рядом со столом из черного дерева и строгих форм в стиле «ампир», примыкающий к массивному столу самого премьер-министра, и, вручив ему лист бумаги, сказал:

– Прошу вас ознакомиться с этим документом.

Это было официальное заявление британского правительства о том, что впредь до окончания ведущихся сейчас переговоров с другими державами (имелись в виду переговоры с Францией и СССР), британское правительство придет на помощь Польше всеми имеющимися в его распоряжении средствами, если тем временем произойдет «какая-либо акция, которая явно угрожает польской независимости и которую польское правительство считает настолько важной, что окажет ей сопротивление своими национальными силами». Это были односторонние гарантии, никакой взаимности от Польши Англия не требовала.

– Я оглашу это заявление сегодня в два часа дня в палате общин, – сообщил Чемберлен, когда Майский закончил читать документ. – Надеюсь, содержание его не вызывает с вашей стороны возражений. Ведь руководители вашей страны на партийном съезде также обещали поддержку Советского Союза всякой стране, которая станет жертвой агрессии и будет сопротивляться агрессору... Могу я сегодня в парламенте сказать, что наша гарантия Польше находит одобрение со стороны Советского Союза?

– Мне непонятна ваша просьба, без всякой предварительной консультации с Советским правительством, совершенно самостоятельно британское правительство решило дать гарантию Польше, об этом решении я узнаю только сейчас, за два часа до его оглашения в палате общин, – спокойным, ровным тоном, сдерживая охватившее его негодование, принялся излагать свою позицию Майский. – У меня нет физической возможности за столь короткий срок снестись с моим правительством и узнать его мнение о вашей декларации; как же я могу дать вам разрешение заявить, что Советское правительство одобряет декларацию?

Чемберлен смутился, картинно развёл руками и немного сконфуженно произнес:

– Да, пожалуй, вы правы, но все получилось так из-за поляков, а не из-за того, что британское правительство не хотело советоваться с Москвой; поляки противятся любому участию СССР в серьезных договоренностях с участием Польши.

– Это обстоятельство ничего не меняет, каково бы ни было содержание декларации, я не могу дать вам под свою ответственность такого разрешения, – отрезал Майский.

Чемберлен повертел в руках остро заточенный карандаш, пожал плечами, посетовал на несговорчивых поляков и с разочарованным видом произнёс обычную в таких ситуациях фразу:

– Искренне сожалею по поводу вашего несогласия озвучить в палате общин слова поддержки вашей страной моей инициативы.

Поговорив ещё немного о международном положении и высказав озабоченность по поводу возникшей в Европе напряженной ситуации, Чемберлен демонстративно встал, тем самым давая понять, что визит закончен, и сухо попрощавшись, проводил Майского до самой двери кабинета.

В тот же день Чемберлен довел до сведения парламента решение правительства дать Польше односторонние гарантии. Палата общин одобрила это решение. Одновременно такие же гарантии Польше дала Франция.

А через три дня в Лондон на переговоры приехал польский министр иностранных дел Юзеф Бек. Итогом этих переговоров, продлившихся три дня, стало превращение односторонних английских гарантий Польше в двусторонние, таким образом, Варшава брала на себя обязательства в случае, если «какая-либо акция» будет угрожать британской независимости, прийти Англии на помощь.

Взаимные обязательства не были подкреплены военными переговорами между генеральными штабами обеих стран и заключением военной конвенции, предполагающей конкретные согласованные действия вооруженных сил обеих стран в случае агрессии, поэтому носили скорее декларативный характер.

Из секретной шифротелеграммы полномочного представителя ⁴СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

31 марта 1939 г.

Вчера после оглашения декларации (гарантии Польше) в парламенте Чемберлен пригласил Ллойд Джорджа для обмена мнениями по международным вопросам. Во время беседы Ллойд Джордж остро поставил вопрос об участии СССР в блоке миролюбивых держав, на что премьер ответил, что он в принципе с этим целиком согласен, но что позиция Польши и Румынии делает пока практическое привлечение СССР затруднительным. Тогда Ллойд Джордж спросил, как же при таких условиях Чемберлен рискнул выступить со своей декларацией, грозя вовлечь Англию в войну с Германией. Премьер возразил, что, по имеющимся у него сведениям, как германский генеральный штаб, так и Гитлер ни в коем случае не пойдут на войну, если будут знать, что им придется драться одновременно на двух фронтах – западном и восточном. Ллойд Джордж спросил, где же этот «второй фронт». Премьер ответил: «Польша». Ллойд Джордж расхохотался, стал издеваться над Чемберленом и доказывать, что Польша не имеет ни сколько-нибудь приличной авиации, ни достаточной механизации армии, что вооружение польских сил более чем посредственно, что экономически и внутриполитически Польша слаба. Никакого «восточного фронта» без активной помощи СССР быть не может. В заключение Ллойд Джордж заявил: «При отсутствии твердого соглашения с СССР я считаю ваше сегодняшнее заявление безответственной азартной игрой, которая может очень плохо кончиться».

Полпред

⁴ <https://doc20vek.ru/node/309>

Гарантии Румынии и Греции

Зондирование позиций союзников, партнеров и даже противников по тому или иному вопросу является одной из основных задач внешнеполитического ведомства любой страны. Именно поэтому 11 апреля лорд Галифакс пригласил советского посла Майского в Форин офис, чтобы проинформировать, в каком направлении работает мысль британского правительства.

В назначенное время советский посол встретился с Галифаксом в его рабочем кабинете. За окном шёл привычный для этого времени мелкий, морсящий дождь, непогода и слякоть за окном резко контрастировали с уютом и теплом кабинета, где горел традиционный английский камин.

– Наши мысли сейчас заняты странами восточной части Средиземного моря и Румынией, которые представляют две стороны одной и той же проблемы, – осторожно начал беседу глава Форин офиса. – Британское правительство собирается на заседании парламента 13 апреля сделать ответственное заявление, которое не должно ни у кого оставить сомнения в его глубокой заинтересованности в положении дел в этом регионе.

– И что это за заявление, которому Вы придаёте такое большое значение? – воспользовавшись короткой заминкой, успел вставить вопрос Майский.

– Британское правительство будет рассматривать нападение на Грецию, как нечто близкое к «казус белли» (повод к войне), поэтому кабинет, в принципе, уже решил дать Греции гарантию её границ и независимости. Пока, однако, ещё не совсем ясно, будет ли гарантия односторонней или примет характер пакта взаимопомощи по польскому образцу. В той или иной форме гарантия будет объявлена в парламенте 13 апреля. Британское правительство готово также дать гарантию и Турции, если Турция этого пожелает, но пока оно ещё не имело возможности выяснить точку зрения турецкого правительства на данный вопрос.

Галифакс сделал паузу, нахмурил брови, словно вспомнил что-то не совсем приятное, но буквально через секунду лицо приняло прежнее невозмутимое выражение, и он продолжил:

– Между прочим, я предлагал Беку дать Румынии совместную гарантию Англии, Франции и Польши, но он, однако, от прямого ответа на моё предложение уклонился под тем предлогом, что поскольку Польша имеет с Румынией союзный договор, ему, мол, неудобно за спиной Румынии заключать какие-либо соглашения, касающиеся её. Бек обещал сразу же по возвращении в Варшаву выяснить, какая форма гарантии является для Румынии приемлемой, но пока от него никаких сведений нет. Я вчера послал Беку напоминание. Сами румыны находятся в состоянии известной нерешительности.

– А что решило британское правительство в отношении Румынии? – спросил Майский, вспомнив про германский ультиматум Бухаресту, предложение СССР провести конференцию шести стран в защиту Румынии и последовавшее затем отрицание румынами предъявления Германией ультиматума.

– Из разговоров с румынским послом Тилеа, который только что вернулся из Бухареста, я вынес впечатление, что Румыния опасается, как бы формальный пакт взаимопомощи между Румынией и рядом других держав не вызвал слишком острой реакции со стороны Германии, а поэтому Бухарест предпочитал бы какие-либо иные комбинации, фактически дающие им те же гарантии, но не подвергающие их этой опасности. В головах самих румын имеется большое смятение и неясность, пока они толком сами не знают, чего хотят. Поэтому в отношении Румынии британское правительство пока ничего не решило и ждёт, прежде всего, вестей из Бухареста. И если уж мы стали обсуждать эту тему, я хотел бы спросить Вас, в какой форме СССР мог бы оказать помощь Румынии в случае нападения на неё Германии?

– Я на этот счёт не имею никаких инструкций из Москвы, поэтому мне сейчас трудно дать определенный ответ на ваш вопрос, – пожав плечами, негромким голосом ответил Майский, подспудно понимая, что эта тема представляет для англичан первостепенный интерес. – Я, в свою очередь, хотел бы у Вас спросить, возражали ли румыны в какой-либо форме против привлечения СССР в какой-либо комбинации по гарантии её независимости?

– Румыны в этом вопросе были далеко не столь категоричны, как Бек, их возражения, или точнее, опасения вытекали не из каких-то принципиальных соображений, мол, не хотим участвовать в определённом идеологическом фронте и тому подобное, а из боязни, как бы открытая ассоциация с СССР не дала Германии предлог для нападения на Румынию.

– А затрагивал ли Бек в лондонских переговорах вопрос о северо-восточном направлении возможной германской агрессии, я имею в виду Прибалтику?

– Конечно, затрагивал, и даже выражал по этому поводу беспокойство, но британских гарантий против такого направления агрессии в прямой форме не просил.

– Ещё один момент, который мы хотели бы прояснить, скажите, а говорил ли с Вами Бек о захвате латвийского порта? – глядя в глаза собеседнику, чтобы увидеть в них реакцию, поинтересовался Майский, памятуя о просьбе Литвинова задать этот вопрос (Москва знала об авантюрном польском плане превентивного захвата латвийского порта Лиепая для недопущения его перехода в руки немцев).

– Нет, об этом он не говорил, – задумавшись на секунду, без особой уверенности в голосе ответил Галифакс.

«По-видимому, какой-то разговор на данную тему был, но стороны решили сохранить его в тайне, это и понятно, если об этом плане узнает Берлин, разразится скандал», – подумал Майский, глядя на невозмутимое, словно маска, лицо главы Форин офиса.

– А как Советский Союз относится к «новой политике» британского правительства? – как бы между прочим поинтересовался Галифакс.

– Я пока не вижу в ней ничего особенно «нового». Я считаю, что не отдельные соглашения между отдельными державами, а только настоящая коллективная безопасность может остановить лавину агрессии и открыть пути к прочному миру.

– В принципе, я согласен с Вами, но вы должны понять, что британское правительство идёт к той же цели – коллективной безопасности, но с другого конца – от отдельных соглашений к общему соглашению, может быть, без этого слишком скомпрометированного теперешней «коллективной безопасностью».

– Я считаю, что ваш метод опасен. При этом, британское правительство вообще движется слишком медленно, невольно у многих в Европе создаётся впечатление, что оно не имеет серьёзных намерений, и ищет лишь различные предлоги для того, чтобы ничего не делать. Мне приходится слышать такие замечания со стороны многих дипломатов и политиков, например, в связи с вашим отклонением нашего предложения о созыве конференции шести держав, а также в связи с провалом английского проекта «Декларации четырех стран».

Галифакс смутился, стал было оправдываться, но потом неожиданно заявил:

– 31 марта мы сделали шаг, который является настоящей революцией в нашей внешней политике, дав односторонние гарантии Польше, а сейчас десять дней спустя мы принимаем решение дать гарантии независимости Греции. Разве это так медленно?

– Для 19 века это были бы, вероятно, потрясающие темпы, но сейчас таких темпов недостаточно. Если британское правительство, действительно, имеет серьёзные намерения, оно должно уметь не только догнать, но и перегнать агрессоров в быстроте и энергии действий. Этого пока не видно. А судя по маневрированию британского правительства в отношениях с Италией, политика умиротворения, вопреки многочисленным заверениям о противном, как будто бы не совсем мертва. Надежды на возможность оторвать Муссолини от «оси» беспоч-

венны и слишком наивны, надежды, которые, по моим наблюдениям, ещё теплятся в некоторых высокопоставленных британских сердцах

– Мы просто ищем возможности любыми способами сохранить мир, – привычным для дипломата сухим, бесстрастным тоном произнёс Галифакс, видимо, предпочитая на эту тему не разговаривать, и сразу встав из-за стола, протянул Майскому руку, – надеюсь, ваше правительство оценит наши инициативы.

Больше всего опасаясь совместного наступления держав оси Берлин – Рим через Балканы на Ближний Восток, (учитывая тот факт, что 7 апреля итальянские войска начали вторжение в Албанию), Великобритания и Франция продолжили политику предоставления односторонних гарантий, надеясь тем самым обозначить свои интересы в регионе и перенаправить агрессивную устремленность держав оси.

13 апреля Французское правительство решило немедленно предоставить свои гарантии Румынии и Греции. В этот же день на заседании английского кабинета министров также было принято аналогичное решение об одновременном предоставлении английских гарантий этим же странам.. В подоплеке этих гарантий можно было легко угадать желание правительств Англии и Франции принудить Гитлера к мирному разделу сфер влияния, и, преградив Берлину путь через Балканы на Ближний Восток, указать другое направление экспансии – на СССР.

Глава 5. Имперские амбиции Польши

Договоренности между Великобританией и Польшей, а также начавшиеся 6 апреля англо-польские переговоры о заключении пакта о взаимопомощи Гитлер использовал в качестве предлога для прекращения действия германо-польского договора. 28 апреля 1939 года Германия расторгла договор о ненападении с Польшей 1934 года, вошедший в историю как пакт Гитлера – Пилсудского.

Польша была первым государством, заключившим подобный договор с Германией после прихода Гитлера к власти. Их дружба продолжалась более пяти лет. В течение этого периода Польша не раз доказывала свою верность сложившемуся союзу двух государств.

После выхода Германии из Лиги наций в октябре 1933 года именно Варшава взялась представлять её интересы в этой международной организации. При дипломатическом содействии своего польского союзника Берлин осуществил ввод немецкой армии в рейнскую демилитаризованную зону.

Дело дошло до торга: в обмен на готовность Польши считаться с германскими интересами в Австрии Варшава предложила Берлину учесть заинтересованность Польши «в чешской проблеме», а также в Литве, часть территории которой с городом Вильнюсом (переименованным в Вильно) она захватила в 1920 году, а теперь претендовала на столицу Каунас с прилегающими районами.

Гитлер был согласен на захват Польшей всей Литвы, кроме Мемельской области, которую он планировал присоединить к Германии. Негласная договорённость была достигнута. Аншлюс Австрии, совершённый 12-13 марта 1938 года, получил одобрение и признание Варшавы.

Сразу же после этого события, в ночь с 16 на 17 марта 1938 года Польша предъявила Литве ультиматум, где требовала восстановить дипломатические отношения между странами, что означало признание существующих границ. Фактически Литве предлагалось отказаться от Вильно и Виленской области.

В случае отказа Варшава угрожала применить силу, а это неизбежно привело бы к захвату новых территорий, на что и делался расчёт. На польско-литовской границе сосредоточились польские войска. Лишь вмешательство СССР, который предостерег Варшаву от агрессивных действий в отношении соседнего государства, спасло Литву от польской оккупации.

Мюнхенское соглашение стало ярким подтверждением тесного сотрудничества Берлина и Варшавы. Помня о договорённостях, Гитлер добился от французов и англичан согласия на включение в соглашение, кроме своих притязаний, также польские и венгерские претензии к Чехословакии. В итоге Германии отошли Судеты, Польша захватила Тешинскую область, Венгрия месяцем позже присоединила приграничные районы южной Словакии и южной [Подкарпатской Руси](#).

В Польше весть о новом территориальном приобретении встретили с восторгом. Юзеф Бек был награждён орденом «Белого орла», а также удостоен званий почётного доктора Варшавского и Львовского университетов. «Газета Польска» писала: «...открытая перед нами дорога к державной, руководящей роли в нашей части Европы требует в ближайшее время огромных усилий и разрешения неимоверно трудных задач».

Посол Польши в Париже Юлиуш Лукасевич выпустил книгу «Польша – это держава», в которой писал: «Тешинская победа – это новый этап исторического похода Польши Пилсудского во всё лучшее, хотя, может быть, и не более лёгкое будущее».

Мечта стать державой не давала покоя польской политической элите. Именно поэтому в их среде возникли и колониальные притязания. Так, в сентябре 1936 года на заседании Лиги Наций министр иностранных дел Польши Юзеф Бек зачитал обращение относительно про-

екта по расширению членства в комиссии по вопросам отобранных у Германии и Османской Империи колоний, для того, чтобы все заинтересованные в колониях нации могли получить свою долю. Фактически Польша требовала передать ей до 9% бывших германских колоний в связи с тем, что она, якобы, частично была наследницей Германии в плане территорий.

Были у Варшавы агрессивные планы и в отношении Советского Союза, что стало ещё одной причиной сближения с Германией. На состоявшейся 5 января 1939 года встрече в Оберзальцберге (Берхтесгаден, Бавария) Гитлер заверил Бека, что Германия не имеет никаких интересов по ту сторону Карпат, имея ввиду Украину, на которую Польша претендовала.

А на следующий день Риббентроп в беседе с Беком спросил прямо, отказались ли они от честолюбивых устремлений маршала Пилсудского в отношении Украины, на что он, смеясь, ответил, что они уже побывали в Киеве и что подобные замыслы, без сомнения, живы и сегодня. В частных разговорах Бек не скрывал, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю.

20 апреля 1935 г. центральные советские издания – «Правда» и «Известия» – перепечатали из британской газеты текст секретного соглашения к германо-польскому пакту о ненападении от 26 января 1934 г. В нём польское правительство обязалось в её внешних отношениях не принимать никаких решений без согласования с германским правительством, а также обеспечить свободное прохождение германских войск по своей территории в случае необходимости. Было ясно, что этот пункт договора был направлен против СССР.

Безусловно, Польша надеялась на совместный с Германией (а возможно, и с другими западными странами) поход на Советский Союз. Так, в докладе разведотдела главного штаба польских вооружённых сил, подготовленного в декабре 1938 года, сказано: «Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе. Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный исторический день. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель – ослабление и разгром России».⁵

В это же время видный польский дипломат Ян Каршо-Седлевский в частной беседе заявил своему германскому коллеге: «Политическая перспектива для европейского Востока ясна. Через несколько лет Германия будет воевать с Советским Союзом, а Польша поддержит, добровольно или вынужденно, в этой войне Германию. Для Польши лучше до конфликта совершенно определённо стать на сторону Германии, так как территориальные интересы Польши на Востоке, прежде всего за счёт Украины, могут быть обеспечены лишь путём заранее достигнутого польско-германского соглашения»⁶.

А в более раннем секретном документе польского Генштаба (№ 2304/2/37 от 31 августа 1937 года) обозначалось, что конечной целью польской политики является «уничтожение всякой России», а в качестве одного из действенных инструментов её достижения названо разжигание националистических настроений и сепаратизма на Украине, на Кавказе и в Средней Азии с использованием созданной вторым отделом Генерального штаба Польши (военная разведка) организации «Прометей», которая поддерживала сепаратистов всех мастей из эмигрантской среды и националистическое подполье в СССР.

Население самой Польши было неоднородным по национальной принадлежности. Это и понятно, ведь предвоенная Польша включала в себя территории 4 государств: Германии (часть территории Восточной Пруссии была передана по Версальскому мирному договору), СССР (западная Украина и Западная Белоруссия захвачена в советско-польской войне 1919-1921

⁵ https://www.liveinternet.ru/community/lj_mikle1/post455056322/

⁶ <https://nstarikov.ru/nepostizhimaya-glupost-kak-polsha-priblizhala-vtoruyu-mirovuyu-voynu-108218>

г.г.), Литвы (город Вильнюс с прилегающими районами насильственно отторгнут в 1920.г), Чехословакии (Тешинская область отошла по предательскому Мюнхенскому соглашению).

При этом, будучи многонациональным государством – в нём проживали, кроме поляков, украинцы, белорусы, евреи, немцы, литовцы – руководство страны проводило крайне шовинистическую политику полонизации. Национальные меньшинства в Польше подвергались унижению и дискриминации. Для получения образования и карьерного роста нужно было принять католичество, сменить имя на польское.

Для ослабления влияния православной церкви использовались силовые методы. Множество православных храмов превратились в католические костелы, а в сохранившихся польский язык вводился в церковное делопроизводство, издание церковной литературы переводилось на польский язык.

На всей территории Польши были закрыты почти все украинские и белорусские школы, общественные и культурные организации, а также газеты на национальных языках. Попытки открыть их вновь приравнялись чуть ли не к государственному преступлению. Всех несогласных с проводимой национальной политикой полонизации населения отправляли в концентрационный лагерь Берёза Картузская, находившийся в Западной Белоруссии.

Чтобы избежать критики в свой адрес, руководство Польши в сентябре 1934 года официально отказалось от сотрудничества с международными организациями, контролирующими соблюдение положений в области защиты прав национальных меньшинств. С 1920 до 1939 года в Лиге Наций в Женеве было зарегистрировано около 15 000 жалоб от нацменьшинств Польши. На них Лига Наций не отреагировала, хотя это было её долгом.

Союзнические отношения Германии и Польши прервались в 1939 году. Закончив с Чехословакией, Берлин предъявил требования Варшаве: включить «вольный город Данциг» в состав Германии, так как население города большей частью составляли немцы; дать разрешение на строительство экстерриториальной железной дороги и шоссе, которые бы соединили основную территорию Германии с Восточной Пруссией.

В свою очередь, к польскому руководству постепенно пришло понимание того, что следующей жертвой германской экспансии выбрана Польша. Именно поэтому Варшава спешно нашла новых союзников в лице Великобритании и Франции, которые дали ей гарантии на случай агрессии.

Соглашение с Лондоном и Парижем Гитлер использовал в качестве формальной причины расторжения германо-польского договора о ненападении. В действительности к этому времени – 11 апреля 1939 года – Гитлер утвердил «Директиву о подготовке вермахта к войне». Её составной частью был план вторжения в Польшу «в любое время, начиная с 1 сентября 1939 года». Теперь этот договор стал обузой и надо было найти благовидный предлог для его денонсации. Предлог был найден. А отказ Варшавы удовлетворить территориальные требования Берлина стал ещё одним поводом для расторжения германо-польского договора.

Глава 6. Ответный ход Москвы

Осмысление

15 апреля состоялась встреча народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом. Беседа началась с того, что английский посол повторил прежние заявления о решительном и бесповоротном изменении английской политики и отходе от политики умиротворения, о затруднениях, которые возникают из-за позиции некоторых государств, уклоняющихся от любых шагов, связанных с сотрудничеством с Советским Союзом.

После этого вступления Сидс, сославшись на состоявшийся на днях разговор Галифакса с Майским, прочитал написанный на листке бумаги вопрос, с которым английское правительство обращается к Советскому правительству: «Согласно ли Советское правительство сделать публичное заявление, что в случае акта агрессии против какого-либо европейского соседа Советского Союза, который оказал бы сопротивление, можно будет рассчитывать на помощь Советского правительства, если она будет желательна, каковая помощь будет оказана путем, который будет найден наиболее удобным».

Закончив читать, Сидс, посмотрел на округлое непроницаемое лицо Литвинова, пытаясь увидеть его реакцию на услышанное, но натолкнувшись на холодный взгляд наркома, быстро добавил:

– Я считаю, что наибольшая опасность теперь грозит Румынии, а не Польше, ввиду стремления Гитлера к румынской нефти, и вероятно, Англия, включит в число гарантируемых государств также Турцию.

– Я доведу ваше предложение о предоставлении Советским Союзом односторонних гарантий соседним странам до сведения моего правительства, – пообещал Литвинов, а затем, нахмурившись, задумчиво добавил, – но я не нахожу в нем ответа на поставленный нами лорду Галифаксу через нашего посла Майского вопрос о том, как английское правительство мыслит себе помощь, свою собственную и нашу? Видимо, английское правительство предпочитает общие принципиальные декларации более точным обязательствам о заранее согласованных формах помощи.

Сидс, пожав плечами, сдержанным голосом произнёс:

– Я передал то, что поручено передать Вам моим правительством, давать какие-либо разъяснения не в моей компетенции.

Литвинов молча кивнул в знак понимания положения английского посла, встал из-за стола и подчёркнуто вежливо попрощался.

Майский сидел в своем рабочем кабинете и, перебирая бумаги, лежавшие у него на столе, размышлял: «Предложение Чемберлена неприемлемо для Советского Союза по двум главным доводам:

а) это не может предупредить возникновение второй мировой войны, что является нашей основной целью;

б) это ставит СССР в неравное с Англией и Францией положение и сильно повышает опасность нападения Германии на нашу страну.

При этом, только Англия, Франция и СССР, вместе взятые, располагают необходимой мощью для отпора агрессорам, а это обстоятельство требует, чтобы объединение этих трех держав было явным и бесспорным, чтобы в сферу его покровительства входила вся Европа, а не отдельные страны».

Майский встал из-за стола и принялся неспешно ходить по кабинету, продолжая обдумывать создавшуюся ситуацию: «Английское предложение не создаёт никакого общего объединения СССР, Англии и Франции для борьбы с агрессией в Европе, а ограничивает совместные действия трех держав только случаем нападения Германии на Польшу и Румынию. Это означает, что односторонние гарантии не могут вообще предупредить войну, они могут лишь направить агрессию против тех государств, которые не защищены «гарантиями», в частности, в столь важном для СССР направлении, как прибалтийские государства».

Майский остановился у окна, выходящего в посольский сад с ветвистыми деревьями, на которых молодые, ярко-изумрудного цвета листья трепетали от легкого дуновения ветерка, а солнечные лучи, наконец, пробившиеся сквозь пелену облаков, слегка золотили верхушки деревьев. Он любил смотреть в окно и размышлять, и сейчас, наблюдая за игрой света и тени на листьях деревьев, Майский продолжал анализировать инициативу Великобритании: «Однозначно, англичане хитрят, ведь их предложение ставит Советский Союз в неравное положение по сравнению с Англией и Францией. Фактически Англия, Франция и Польша связаны между собой соглашениями о взаимопомощи, и в случае нападения Германии на одну из них две другие державы должны немедленно прийти ей на помощь всеми доступными им средствами (в том числе и вооружёнными силами). Советский Союз, напротив, имеет пакт взаимопомощи только с Францией. Ни Англия, ни Польша не обязаны нам помогать в случае нападения на нас Германии. А между тем предоставление Советским Союзом «гарантий» Польше и Румынии, несомненно, может ухудшить его отношения с Германией и повысит опасность гитлеровской агрессии против Советской страны, в частности через Прибалтику. Получается явное неравноправие СССР с Англией и Францией в столь важном вопросе, как государственная безопасность. Наши это, конечно, понимают, и теперь, скорее всего, постараются сформулировать своё предложение, которое должно обеспечить абсолютное равноправие сторон, что ж, подождём».

Майский оторвал взгляд от деревьев за окном, повернулся, закинул руки за голову, развернул корпус влево, затем вправо, прислушался к приятному хрусту в спине, повторил движение несколько раз, после чего вернулся на своё рабочее место, и, поудобнее устроившись в кресле за своим рабочим столом, углубился в чтение свежих английских газет.

Москва «делает свой ход»

17 апреля 1939 года народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов снова пригласил посла Великобритании в СССР У. Сидса в наркомат и лично вручил ему предложение Советского Союза о трёхстороннем соглашении. Оно было основано на принципе равенства трёх сторон, а предусмотренные в нём обязательства носили взаимный характер, что мог отметить любой непредвзятый человек. Основные тезисы этого предложения гласили:

1. Англия, Франция, СССР заключают между собою соглашение сроком на 5-10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

3. Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение § 1 и § 2.

4. Английское правительство разъясняет, что обещанная им Польше помощь имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии.

5. Существующий между Польшей и Румынией союзный договор объявляется действующим при всякой агрессии против Польши и Румынии, либо же вовсе отменяется, как направленный против СССР.

6. Англия, Франция и СССР обязуются, после открытия военных действий, не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трех держав согласия.

На следующий день, 18 апреля, советский посол в Париже Я.З.Суриц информировал об этих предложениях министерство иностранных дел Франции. А через день советский посол в Великобритании И.М. Майский по пути из Москвы в Лондон залетел в Париж, чтобы лучше ознакомиться с настроениями французского правительства в отношении предложенного Советским Союзом проекта соглашения.

Его коллега, Яков Захарович Суриц, с которым у него были дружеские отношения, вероятно эрудированный человек, обладающий широким политическим кругозором, охотно рассказал ему об обстановке на политическом Олимпе Третьей Французской республики:

– Даладьё (премьер-министр Франции) при всех своих недостатках, а их у него очень много, все-таки лучше, чем Чемберлен, он пошел бы навстречу нашим контрпредложениям. К тому же Франция уже имеет пакт взаимопомощи с СССР, по крайней мере, на бумаге. Вот сейчас, например, французское правительство настаивает перед британским, чтобы оно приняло за основу наши предложения о тройственном пакте взаимопомощи, сделанные 17 апреля. Леже (генеральный секретарь французского министерства иностранных дел) даже составил контрпроект тройственного пакта для предъявления Советскому правительству, он более узок, чем наш, но построен на той же базе. Однако Лондон не хочет его принять и продолжает поддерживать своё предложение об односторонних гарантиях Советского Союза Польше и Румынии. Не знаю, чем закончится англо-французский спор, однако настроен я пессимистически.

Суриц вздохнул, демонстративно махнул рукой ту сторону, где расположен Елисейский дворец, показывая тем самым меру своего разочарования, затем продолжил:

– Вся беда в том, что Франция в наши дни не имеет самостоятельной внешней политики, всё зависит от Лондона. Франция наших дней – это великая держава второго ранга, считающаяся великой державой больше по традиции. И что странно – французы с этим как-то при-

мирились, плетутся за Англией. В англо-французском блоке они рассматривают себя как державу № 2 и не возмущаются.

– Ну, а как ведут себя здесь американцы? – поинтересовался Майский, по привычке вышагивая по гостиной посольства, заложив руки за спину.

– Американцы? – задумчиво переспросил Суриц. – Об этом ясно говорит имя их здешнего посла: Уильям Буллит (участник советско-американских переговоров 1933 года в Вашингтоне, первый американский посол в Москве). Он очень интересуется ходом переговоров, дает советы, иногда поучает, ссылается на свое знание СССР и его правительства... Конечно, его мнение значит очень много для Даладье и Бонне... Ведь Буллит энергично поддерживал их в дни Мюнхена.

Слова Сурицы соответствовали действительности, Величие Франции осталось в прошлом, в тот период это была слабеющая европейская держава, теряющая своё былое влияние на мировой политической арене.

Глава 7. Переход хода

Париж

Франция, в отличие от Великобритании, не отделенная от континента проливом, находилась в более уязвимом положении по отношению к германской агрессии, оттого была более склонна к соглашению. Именно поэтому в конце апреля французское правительство сообщило в Лондон, что для него не представляется далее возможным поддерживать в Москве английское предложение «об односторонней русской декларации о помощи», не сопровождающейся какими-либо взаимными гарантиями.

25 апреля МИД Франции направил Советскому правительству свой проект соглашения. В проекте говорилось:

«В случае, если бы Франция и Великобритания оказались в состоянии войны с Германией вследствие выполнения обязательств, которые они приняли с целью предупредить всякие насильственные изменения положения, существующего в Центральной или Восточной Европе, СССР оказал бы им немедленно помощь и поддержку».

В случае, если бы вследствие помощи, оказанной Советским Союзом Франции и Великобритании в условиях, предусмотренных предыдущим параграфом, СССР оказался бы в свою очередь в состоянии войны с Германией, Франция и Великобритания предоставили бы ему немедленно помощь и поддержку».

Замысловатые тезисы французского предложения на первый взгляд содержали элементы взаимности, но при внимательном прочтении опять содержали односторонние обязательства СССР. Получалось, что если Англия и Франция решили бы воевать с Германией из-за насильственных действий против стран Центральной или Восточной Европы, то Советский Союз автоматически втягивался в войну на их стороне.

Но если бы он оказался бы в состоянии войны вследствие прямой агрессии или агрессии против стран, по отношению к которым Англия и Франция не имеют никаких обязательств (например, прибалтийских республик), то ни на какую помощь со стороны западных держав СССР не мог рассчитывать. Снова никакого равноправия сторон не было. Пришлось советскому послу в Париже Я.З.Сурице прямо сказать в состоявшейся 29 апреля беседе с министром иностранных дел Франции Ж. Бонне, что во французском проекте нет подлинной взаимности.

Услышав это замечание, Бонне смутился и объяснил это перегруженностью делами, он, мол, поручил редактирование документа генеральному секретарю МИДа А. Леже, а сам «недостаточно вчитался» в документ.

В тот же день в советское посольство был направлен новый вариант французского проекта, который содержал взаимные обязательства трех держав помогать друг другу в случае вовлечения в войну с целью предупредить насильственное изменение существующего положения, но опять обходил вопрос о взаимной помощи в случае прямого нападения на одну из трех держав.

Лондон

Понимая всю важность возможных трехсторонних договорённостей, посол СССР в Великобритании Майский посетил главу Форин офиса лорда Галифакса и долго и горячо доказывал ему важность скорейшего заключения тройственного пакта взаимопомощи, настойчиво заверяя его в самом искреннем желании Советского правительства сотрудничать с Англией и Францией в борьбе с агрессией.

Лорд Галифакс выслушал все доводы советского посла со скептической улыбкой на лице, а когда Майский спросил, принимает ли британское правительство контрпредложения СССР, весьма неопределенно ответил, что оно еще не закончило своих консультаций с Францией.

Лишь 8 мая посол Великобритании в Москве У.Сидс вручил назначенному вместо Литвинова народному комиссару иностранных дел СССР Вячеславу Михайловичу Молотову ответ английского правительства. В этом ответе позиция Великобритании была изложена следующим образом:

«Правительство Его Величества, ... в свете советского контрпредложения и своего обмена мнениями с другими правительствами пересмотрело свое первоначальное предложение, сделанное Советскому правительству, и оно позволяет себе передать его в следующей форме: Предлагается на усмотрение Советского правительства, чтобы оно огласило по собственной инициативе декларацию, в которой, делая ссылку на недавнее заявление Сталина по общеполитическому вопросу и принимая в соображение недавние заявления со стороны правительства Его Величества и французского правительства, которыми приняты новые обязательства по отношению к известным восточноевропейским странам, Советское правительство обязалось бы, в случае вовлечения Великобритании и Франции в военные действия во исполнение принятых ими обязательств, оказать немедленно содействие, если оно будет желательным, причем род и условия, в которых представлялось бы это содействие, служили бы предметом соглашения».

Даже неискушенному в дипломатических тонкостях человеку понятно, что Лондон в слегка отредактированной форме снова добивался предоставления Советским Союзом односторонней гарантии Польше и Румынии, не принимая при этом на себя аналогичных обязательств по отношению к СССР. Было ясно, что Советский союз на таких условиях соглашение не подпишет. Создавалось ощущение, что англичанам важен сам процесс переговоров, а не результат. Фактически так и было, все последующие события это ярко продемонстрируют.

Глава 8. Шанс спасти мир

Москва предлагает

Москва в своём официальном ответе ясно и последовательно разъяснила, что последние предложения правительства Великобритании не могут послужить основой для организации фронта сопротивления миролюбивых государств против дальнейшего развертывания агрессии в Европе. Мотивы такого заключения были следующими:

1. Английские предложения не содержат в себе принципа взаимности в отношении СССР и ставят его в неравное положение, так как они не предусматривают обязательства Англии и Франции по гарантированию СССР в случае прямого нападения на него со стороны агрессоров, в то время как Англия, Франция, равно как и Польша, имеют такую гарантию на основании существующей между ними взаимности.

2. Английские предложения распространяют гарантию восточноевропейских государств, граничащих с СССР, лишь на Польшу и Румынию, ввиду чего северо-западные границы СССР со стороны Финляндии, Эстонии, Латвии остаются неприкрытыми.

3. Отсутствие гарантий СССР со стороны Англии и Франции в случае прямого нападения агрессоров, с одной стороны, и неприкрытость северо-западных границ СССР, с другой стороны, могут послужить провоцирующим моментом для направления агрессии в сторону Советского Союза.

Советское правительство полагало, что для создания действительного барьера миролюбивых государств против дальнейшего развертывания агрессии в Европе необходимы по крайней мере три условия:

1. Заключение между Англией, Францией и СССР эффективного равноправного пакта взаимопомощи против агрессии;

2. Гарантирование со стороны этих трех великих держав государств Центральной и Восточной Европы, находящихся под угрозой агрессии, включая сюда также Латвию, Эстонию, Финляндию;

3. Заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах помощи, оказываемой друг другу и гарантируемым государствам, без чего (без такого соглашения) пакты взаимопомощи рискуют повиснуть в воздухе, как это показал опыт с Чехословакией.

15 мая английскому послу Сиидсу было вручено письменное заявление Советского правительства, в котором говорилось, что предоставление односторонней гарантии Польше и Румынии для Советского правительства неприемлемо и что единственной реальной и действительно эффективной формой борьбы с агрессией является только тройственное соглашение о взаимопомощи на базе тех условий, которые были изложены в советском предложении от 17 апреля.

Бойкот советских предложений Лондоном объяснялся просто, на заседание британского правительства 16 мая 1939 года лорд Галифакс заявил, что политические аргументы против пакта с СССР более существенны, чем военные соображения в пользу пакта, а Н. Чемберлен сказал, что он скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами.

Оппозиция поддерживает

19 мая в парламенте Великобритании состоялись прения по вопросам внешней политики. Лидеры оппозиции подвергли острой критике своё правительство, говорили о необходимости немедленного заключения договора с СССР. Одним из первых большую речь произнес Уинстон Черчилль: «Я никак не могу понять, каковы возражения против заключения соглашения с Россией, против его заключения в широкой и простой форме, предложенной Советским правительством? Предложения, выдвинутые советским правительством, несомненно, имеют в виду тройственный союз между Англией, Францией и Россией... Единственная цель союза – оказать сопротивление дальнейшим актам агрессии и защитить жертвы агрессии. Я спрашиваю, что в этом предосудительного?..

Ясно, что Россия не пойдет на заключение соглашений, если к ней не будут относиться как к равной и, кроме того, если она не будет уверена, что методы, используемые союзниками, могут привести к успеху. Наше правительство должно понять, что ни одно из этих государств Восточной Европы не сможет продержаться, скажем, год войны, если за ними не будет стоять солидная и прочная поддержка дружественной России в сочетании с союзом западных держав.

По существу я согласен..., что если нужен надежный Восточный фронт, будь то Восточный фронт мира или фронт войны, такой фронт может быть создан только при поддержке дружественной России, расположенной позади всех этих стран... Перед нами предложение – справедливое, и, по-моему, более выгодное, чем те условия, которых хочет добиться наше правительство. Это предложение проще, прямее и более действенно.

Нельзя допускать, чтобы его отложили в сторону, чтобы оно ни к чему не привело. Я прошу Правительство Его Величества усвоить некоторые из этих неприятных истин. Без действенного Восточного фронта невозможно удовлетворительно защитить наши интересы на Западе, а без России невозможен действенный Восточный фронт.

Кто-то может спросить: «Можно ли доверять Советскому правительству?» Думаю, в Москве говорят: «Можно ли доверять Чемберлену?» Я надеюсь, что на оба эти вопроса следует ответить утвердительно. Я искренне надеюсь на это⁷.

С такой же непримиримой критикой правительства выступил один из лидеров Либеральной партии Ллойд Джордж: «Германия и Италия вооружаются не для защиты... Они готовятся не для отражения атаки со стороны Франции, Англии или России. Отсюда им никто не угрожает... Они сами готовятся к атаке против кого-нибудь, в ком мы заинтересованы... Основная военная цель диктаторов – добиться быстрых результатов, избежать длительной войны. Длительная война всегда невыгодна для диктаторов. И для того чтобы не допустить быстрой победы диктаторов, крайне необходимо скорее создать тройственное соглашение против них. Надо также учитывать, что без помощи России невозможно выполнить наши обязательства в отношении Польши и Румынии.

Почему правительство до сих пор не заключило пакт взаимопомощи с СССР? Видимо, потому, что оно не доверяет Советскому правительству. Но разве Россия не имеет оснований не доверять нам? Ведь начиная с 1930 года мы нарушили все подписанные нами пакты, имеющие отношение к ситуации, подобной нынешней. В нынешних обстоятельствах медлить нельзя, необходимо срочно завершить тройственные переговоры»⁸.

Критика в парламенте заставила Чемберлена продолжать переговоры с СССР и даже проявлять активность, но не изменила его отношение к возможности заключения тройственного соглашения. Он по-прежнему пытался получить односторонние гарантии Советского прави-

⁷ <https://churchill.pw/o-sojuze-s-rossiej.html>

⁸ <https://litmir.club/br/?b=234219&p=106>

тельства в отношении своих союзников, не беря на себя никаких обязательств на случай агрессии против СССР.

Глава 9. Обманный ход

27 мая народный комиссар иностранных дел СССР Молотов встретился в кабинете предсовнаркома (председатель Совета народных комиссаров – его вторая должность) с послом Великобритании Уильямом Сидсом и временным поверенным в делах Франции в СССР Жаном Пайяром.

После взаимных приветствий стороны, рассевшись друг против друга за длинным, покрытым зеленым сукном, столом, начали диалог. Рядом с Молотовым сидел его заместитель Владимир Потемкин. Первым взял слово Сидс:

– Мне поручено передать Советскому правительству новый проект соглашения между СССР, Англией и Францией об оказании совместного противодействия агрессии в Европе.

Сидс встал из-за стола и с каким-то сдержанно-торжествующим видом вручил Молотову синюю папку с документом. «Даа, вид у него, как у гроссмейстера, поставившего шах своему сопернику, только игра отнюдь не закончена, ваш обманный ход мы разгадали и следующий ход за нами», – подумал Молотов и положил полученную папку перед собой. Сидс же, сев на своё прежнее место, продолжил:

– Проект этот разработан английским министерством иностранных дел со всей тщательностью и с учетом всех пожеланий, сформулированных в последнем ответе Советского правительства на английские предложения. Я выражаю надежду, что правительство СССР оценит значительный шаг, сделанный правительством Англии навстречу пожеланиям СССР, и само пойдет на скорейшее завершение переговоров, в которых британское правительство живейшим образом заинтересовано.

Настала очередь французского посла. Пайяр был невозмутим и спокоен, и со свойственной французам галантностью вручив Молотову от имени французского правительства идентичный с английским проект тройственного соглашения, сказал:

– Я присоединяюсь к оценке этого проекта, данной Сидсом, и, подобно английскому послу, высказываю надежду на согласие Советского правительства с нынешними англо-французскими предложениями и на скорое и благополучное окончание переговоров по этому вопросу между тремя странами.

Молотов заранее прочитал предлагаемый Лондоном и Парижем проект соглашения, врученный французским министром иностранных дел Бонне полпреду СССР во Франции Якову Сурице 26 мая и переданный им в тот же день шифртелеграммой в НКВД. Поэтому он решил не медлить с ответом, а сразу высказать своё отношение к этому документу:

– Ознакомившись с англо-французским проектом, я вынес отрицательное заключение об этом документе. Англо-французский проект не только не содержит плана организации эффективной взаимопомощи СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе, но даже не свидетельствует о серьезной заинтересованности английского и французского правительств в заключении соответствующего пакта с СССР, а скорее наводит на мысль, что правительства Англии и Франции не столько интересуются самим пактом, сколько разговорами о нем.

Возможно, что эти разговоры и нужны Англии и Франции для каких-то целей. Советскому правительству эти цели неизвестны. Оно заинтересовано не в разговорах о пакте, а в организации действенной взаимопомощи СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе. Участвовать только в разговорах о пакте, целей которых СССР не знает, Советское правительство не намерено. Такие разговоры английское и французское правительства могут вести с более подходящими, чем СССР, партнерами.

Молотов выдержал короткую паузу, чтобы сдержать охватившее его раздражение, а затем спокойным голосом продолжил:

– Может быть, оба правительства, уже заключившие пакты о взаимопомощи между собою, Польшей и Турцией, считают, что для них этого достаточно. Поэтому, возможно, они и не заинтересованы в заключении эффективного пакта с Советским Союзом. К такому заключению приводит англо-французский проект, не содержащий предложений о заключении действительного пакта о взаимопомощи между СССР, Англией и Францией и сводящий данный вопрос исключительно к разговорам о пакте.

Удивлённый таким неожиданным поворотом событий и ожидавший, видимо, совсем других оценок, Сидс озадаченно спросил:

– Скажите, какие пункты нашего проекта позволили Вам сделать такое заключение?

Молотов ожидал этого вопроса, поэтому ответ его был продуманным до мелочей:

– Хорошо, я объясню все по пунктам. Механизм оказания тремя государствами взаимной помощи англо-французский проект подчиняет сложной и длительной процедуре, установленной Лигой наций.

Советское правительство не против Лиги наций. Наоборот, на сентябрьской сессии ассамблеи представитель СССР активно выступал в защиту Лиги, и в частности статьи 16 её Устава, против других делегатов, в том числе и английского, которые, в конце концов, высказались за признание необязательности упомянутой статьи для членов Лиги наций.

Однако процедуру, установленную пактом Лиги наций для осуществления взаимной помощи против агрессии и теперь предлагаемую англо-французским проектом, нельзя не признать плохо совместимой с требованием эффективности этой взаимопомощи.

Может получиться такое положение: в совете будет поставлен вопрос об агрессии против СССР со стороны какого-либо участника «оси». Представитель какой-нибудь Боливии будет рассуждать в совете, имеется ли наличие акта агрессии против СССР, нужно ли оказать СССР помощь, а в это время агрессор будет поливать советскую территорию артиллерийским огнем. Советское правительство не может признать приемлемой подмену эффективной помощи жертве агрессии одними разговорами по данному вопросу.

Кстати, в договорах о взаимной помощи, заключенных между Англией и Францией, а также обоими государствами с Польшей, английским правительством с турецким, нет обязательства подчинить эту помощь лигонационной процедуре, установленной статьей 16 пакта Лиги. Почему же такое подчинение предусматривается в англо-французском проекте договора с СССР?

Непонятно также, что означает обязательство, изложенное в параграфе 5 англо-французского проекта – чтобы поддержка и помощь, оказываемые Советским Союзом, Англией и Францией в случаях, предусмотренных соглашением, не наносили ущерба правам и позиции других держав. Как можно действовать против агрессора, не нанося ему ущерба?

Наконец, в параграфе 4 указывается, что в случае возникновения угрозы агрессии три договаривающиеся государства не действуют, а только прибегают к взаимной консультации. Это вновь подтверждает догадку, что англо-французские предложения эффективному противодействию агрессору предпочитают лишь разговоры на эту тему.

Позиция Советского правительства прямо противоположна. СССР хочет соглашения об эффективной обороне против агрессора. Одни разговоры об этом его не интересуют и не удовлетворяют. Если правительства Франции и Англии видят в таких разговорах какой-либо интерес для себя, то они могут вести их с другими партнерами.

Но всё, что я сейчас высказал, это пока моё личное мнение. Я представлю врученный мне англо-французский проект на рассмотрение правительства. После этого мы сможем дать окончательный ответ на предложенный вами проект соглашения.

Внимательно выслушав Молотова, Сидс, изображая крайнее изумление на лице, принался разъяснить ошибочность таких суждений:

– Оценка англо-французского документа, данная Вами, основывается на явном недоразумении. Верно, что в англо-французском предложении упоминается о Лиге наций и даже о статье 16 её Устава. Но это сделано лишь для того, чтобы удовлетворить общественное мнение, в особенности в Англии, где всякую международную акцию привыкли связывать с Лигой наций.

Наши правительства отнюдь не имеют в виду подчинять механизм взаимной помощи СССР, Франции и Англии лигонационной процедуре. Оба правительства признают необходимость немедленной и автоматической взаимной помощи трех договаривающихся государств против агрессии. Об этом мы заявляем вполне официально.

Англо-французский проект предусматривает только то, чтобы тройственное соглашение между Англией, Советским Союзом и Францией было заключено согласно принципам и в духе Лиги наций. В этой формуле не может быть ничего неприемлемого для СССР. Мы заверяем, что она отнюдь не ограничивает автоматизма в осуществлении взаимной помощи, в котором английское и французское правительства столь же заинтересованы, как и СССР.

Пайяр был удивлен не менее Сидса, но вида старался не подавать, поэтому говорил, сохраняя полное спокойствие:

– Недоразумением мы считаем также указание на то, что в параграф 5 англо-французского проекта обязательство «не наносить ущерба правам и позиции других держав» имеет в виду оградить агрессора. Упомянутый параграф стремится лишь сберечь суверенные права слабейших государств, которым Англия, Франция и СССР договариваются оказывать помощь.

Возможен случай, когда в интересах защиты такого государства против агрессии одно из трех договаривающихся правительств признает необходимым, например, разрушить город, находящийся на территории обороняемого государства. Если правительство последнего запротестует, очевидно, придется считаться с его суверенитетом в данном вопросе. Нас удивляет предположение, будто бы правительства Англии и Франции несерьезно относятся к вопросу о пакте с СССР и предпочитают конкретным решениям одни разговоры по данному вопросу.

В этот момент в разъяснения снова включился Сидс:

– Я считаю, что наше правительство сделало решительный шаг навстречу Советскому правительству и что предлагаемый им договор с СССР представляет собой радикальный поворот в английской внешней политике. Правительства обеих стран заинтересованы в скорейшем завершении переговоров с СССР и хотят действовать, а не медлить.

Необходимо, не тратя времени, устранить недоразумения, возникшие у Вас при первом ознакомлении с англо-французским документом. Я немедленно сообщу об этих недоразумениях своему правительству и предложу их рассеять.

Я надеюсь в ближайшие дни получить вполне удовлетворительный ответ из Лондона. Этот ответ будет немедленно Вам сообщён. Я надеюсь, что и Советское правительство со своей стороны постарается не задерживать своего окончательного заключения относительно англо-французского проекта.

Молотов пообещал дать официальный ответ в максимально короткие сроки и, встав из-за стола, сдержанно попрощался с послами.

Глава 10. Кто есть кто

В ночь на 31 мая 1939 года Сталин сидел в своем кабинете в доме правительства и просматривал документы, которые ему принесли для ознакомления. Было два часа ночи, но он привык работать до утра, приучив к этому графику всех руководителей госучреждений.

В ночные часы Сталину не мешала дневная суета и повседневная текучка, поэтому в это время он мог сосредоточиться на ознакомлении с важнейшими докладами, в том числе, с агентурной информацией 5 – го Управления РККА (бывшее Разведывательное управление РККА) и внешней разведки (7-й отдел) Главного управления государственной безопасности (ГУГБ). Все добытые советскими разведчиками секретные документы были первостепенной важности.

Вот и сейчас перед Сталиным лежал документ, который заслуживал особого внимания. Это был переведённый на русский язык секретный меморандум Министерства иностранных дел Великобритании, датированный 22 маем 1939 года, в котором аналитики внешнеполитического ведомства пытались подсчитать плюсы и минусы предложенного Советским Союзом трехстороннего пакта с точки зрения собственных интересов и в соответствии со стратегией направления германской агрессии на Советский Союз.

Читал Сталин очень внимательно и с большим интересом, подчёркивая наиболее важные отрывки этого документа. В числе плюсов была формулировка, которую Сталин подчеркнул сразу: «Заключение предложенного Советским правительством пакта, возможно, является единственным средством предотвращения войны».

«Они это понимают, но заключать это пакт не хотят, потому что в их интересах не предотвратить войну, а перенаправить агрессию на Восток, – подумал Сталин, закулив небольшую, искусно сделанную из вишневого корня трубку, набитую табаком раскрошенных сигарет «Герцеговина Флор», – но так считают не все, судя по выступлениям в парламенте, оппозиция этой точке зрения в Англии существует, а значит, нельзя прекращать переговоры».

Продолжая читать этот документ, Сталин пытался составить представление о соотношении сил, ратующих «за» и «против» соглашения с Советским Союзом. Ещё один подчёркнутый абзац формулировал минус трехстороннего пакта: «Если будет заключен подобный договор, то может сложиться впечатление, что Правительство Его Величества окончательно отказалось от всякой надежды добиться урегулирования с Германией».

Сталин откинулся на спинку кресла, и, попыхивая трубкой, снова предался размышлениям: «Видимо, Чемберлен никогда не откажется от попыток сговориться с Гитлером. И готов ради этого пожертвовать Польшей, как пожертвовал Чехословакией. Он согласен просто разделить сферы влияния в Европе, предоставив свободу рук в заданном направлении и столкнув Германию с Советским Союзом. Большая игра началась, а в ней, как в шахматной партии, выиграет тот, кто точно просчитает шаги противника. Расклад сил и возможные варианты развития событий таковы, что двери надо держать открытыми в обоих направлениях, чтобы оставить поле для манёвра. Какой бы то ни было конфронтации следует избегать, важно выиграть время».

Отложив дымящуюся трубку в стоявшую на столе хрустальную пепельницу, Сталин продолжил внимательно вчитываться в текст меморандума. Следующий подчёркнутый абзац документа также определял минус (с точки зрения Великобритании) возможного договора с СССР: «После заключения соглашения может возникнуть ситуация, когда Англия в результате неспособности Польши или Румынии оказать сопротивление германскому нападению или в результате нападения Германии на Советский Союз морем или через прибалтийские государства может быть втянута в войну не с целью защиты независимости какого-либо малого европейского государства, а для оказания поддержки Советскому Союзу против Германии».

«Чисто англосаксонская позиция, принять помощь они готовы, но сами оказывать помощь Советскому Союзу не хотят, поэтому и мутят с разными формулировками соглашения, пытаюсь навязать нам односторонние обязательства», – подумал Сталин, и взяв трубку из пепельницы и продолжив вальяжно курить, неторопливо выпуская изо рта тонкие струйки табачного дыма, снова углубился в чтение документа.

Последние строки документа, формулирующие вывод из всего изложенного, Сталин подчеркнул двумя линиями: «Для Англии желательно заключить соглашение, которое отвечало бы таким условиям:

а) В случае нападения на Англию Советский Союз должен прийти ей на помощь, вынудив Германию воевать на два фронта.

б) В случае возникновения войны соглашение должно непременно втянуть в войну и СССР, ибо в противном случае в конце войны, когда Англия и Германия будут лежать в развалинах, Советский Союз, имея нетронутую армию, стал бы господствовать в Европе».

«Ах, вот чего они боятся, – подумал Сталин, откладывая документ в сторону, – они боятся, что мы останемся в стороне от предстоящего сражения, поэтому им нужно обязательно втянуть нас в войну, а это значит, что договор должен гарантировать помощь СССР в случае конфликта с Германией, причём на основе односторонних обязательств. Параллельно они будут пытаться договориться с Гитлером, а переговоры с Советским Союзом будут использовать, как способ давления на Германию с целью сделать их более сговорчивыми, мол, иначе мы заключим пакт с Москвой. Лондон ведёт свою игру в надежде всех перехитрить. Ну что ж, посмотрим, кто кого переиграет».

Следующий документ, добытый разведкой, оказался не менее интересным. Это был секретный доклад британского министра по координации обороны лорда Чэтфилда от 27 мая 1939 г. об итогах проходивших в апреле – мае 1939 г. секретных англо-французских штабных переговоров (на уровне Генштабов).

Документ был длинным, но Сталин подчеркнул лишь три ключевые фразы: «Если Германия предпримет нападение на Польшу, то французские вооружённые силы займут оборону по линии Мажино и будут сосредотачивать силы для наступления на Италию»; «Великобритания сможет осуществить эффективное воздушное наступление в том случае, если в войну вступит Бельгия»; «В случае войны важно попытаться вовлечь в неё Советский Союз».

Закрыв папку с документами, Сталин снова принялся размышлять: «Они, значит, будут отсиживаться, ждать, сосредотачиваться и ничего не делать, а СССР должен будет воевать за них. Нет, так не пойдёт. Именно поэтому вместе с договором надо подписать и военную конвенцию, которая будет чётко определять, какими силами, в каком направлении будут вести боевые действия армии трёх стран и какие задачи будут перед ними поставлены. Без конвенции договор станет пустой бумажкой».

Этой же ночью Сталин вызвал к себе Молотова и, вручив ему эти документы, разъяснил: «Ознакомься и имей в виду их позицию, когда будешь вести переговоры с Лондоном и Парижем, нельзя поддаваться на их хитрые уловки. Наше неперемное условие – одновременное подписание равноправного соглашения и военной конвенции».

Глава 11. Контрпроект и реакция Лондона

2 июня СССР выдвинул свой контрпроект. Разница между англо-французским и советским проектами заключалась в трёх основных пунктах. Англо-французский проект связывал действие пакта с Уставом Лиги Наций. Это фактически означало, что прежде чем принять решение, надо было пройти через нудный процесс обсуждения и согласования, и, следовательно, пакт никогда не привел бы к быстрым и эффективным действиям.

Так уже было во время итало-эфиопской войны 1935-1936 годов, итогом которой стала аннексия Эфиопии. Эта война показала несостоятельность Лиги Наций, членами которой были и Италия, и Эфиопия, в урегулировании международных конфликтов.

Также англо-французский проект фактически не формулировал обязательства сторон о военной поддержке партнеров в случае возникновения агрессии, вместо конкретных действий предполагалось, что стороны приступят к консультациям относительно создавшегося положения.

При этом, было уточнение: «Методы и объем такой консультации станут тотчас же предметом последующего обсуждения между тремя правительствами...» Это означало, что в случае агрессии пришлось бы вначале провести консультации по вопросу о консультациях.

Советский проект договора не предусматривал зависимость от Устава Лиги Наций и к тому же устанавливал одновременное вступление в силу пакта и военной конвенции, точно устанавливающей обязательства участников в случае агрессии. Также в нём предлагалось, распространить совместные гарантии трех держав не только на Бельгию, Грецию, Турцию, Румынию, Польшу, но и на страны, граничащие с СССР – Латвию, Эстонию и Финляндию.

8 июня 1939 года лорд Галифакс пригласил советского посла Майского к себе в Форин офис для приватной беседы. А начал он её с того, что озвучил желание британского правительства как можно быстрее прийти к заключению договора между тремя державами, а затем доверительным тоном сообщил:

– Именно для ускорения переговорного процесса в Москву направляется заведующий центрально-европейским департаментом Форин офиса Уильям Стрэнг, он должен будет вести диалог «за круглым столом» в Москве, обсуждая пункт за пунктом проект соглашения и находя в ходе этой дискуссии приемлемые для обеих сторон формулировки. Стрэнг с самого начала нынешних тройственных переговоров был в курсе всех их деталей, и что немаловажно, он очень искусен в редактировании всякого рода дипломатических документов, его задача – помочь Сидсу в ведении переговоров.

Майский молча кивнул, давая понять собеседнику, что принимает к сведению его информацию. Галифакс же, бросив мимолетный взгляд на посла, но не увидев никакой реакции на его заявление, достал из лежащей перед ним на столе папки листок бумаги и, заглянув в него, продолжил:

– В отношении последних советских предложений у нас три замечания. Во-первых, британское правительство имело в последние дни сношения с прибалтийскими странами и пришло к выводу, что никто из них не желает быть открыто гарантированными, поэтому мы считаем невозможным принять советское предложение о прямом перечислении стран, подлежащих гарантии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.